

Некрологи об А. А. Зализняке

- Светлана Михайловна Толстая
- Алексей Алексеевич Гиппиус
- Максим Анисимович Кронгауз
- Максим Михайлович Руссо
- Александр Чедович Пиперски
- Дмитрий Владимирович Сичинава
- Алексей Сергеевич Касьян, Анна Константиновна Поливанова
- Ирина Александровна Седакова
- Марцис Юрьевич Гасунс
- Евгений Владимирович Пчелов (историк)
- Мария Витальевна Елиферова (историк, главный редактор журнала «Valla»)
- Алексей Сергеевич Паевский (научный редактор сайта Indicator.ru)
- Борис Евгеньевич Штерн (главный редактор газеты «Троицкий вариант – Наука»)
- Филологи и историки Уральского федерального университета
- Новгородский музей-заповедник
- Филологический факультет МГУ
- Исторический факультет МГУ
- Лингвистика для школьников (сайт)
- Андрей Мозжухин (журналист)
- Дмитрий Бутрин (журналист)
- Анастасия Лотарева (журналист)
- Егор Станиславович Холмогоров (публицист-националист)
- Редакция Газеты.ru
- Майя Александровна Кучерская (писательница, литературовед, литературный критик)
- см. также

Феномен Зализняка

Светлана Толстая

12 декабря 2017 года Андрей Анатольевич Зализняк прочел в Институте славяноведения РАН доклад о берестяных грамотах, найденных в прошедшем сезоне; 16 декабря он провел занятие со студентами МГУ по исторической акцентологии русского языка; 24 декабря его не стало. Так он простился с двумя главными пространствами своей деятельности – Академией наук, где он проработал более полувека (с 1960 года), и Московским университетом, с которым он был связан еще дольше – как студент (1952–1957), аспирант и преподаватель (с 1958 года).

Неожиданность его ухода повергла всё научное сообщество в глубокую скорбь, смешанную с обидой и чувством протеста. В это невозможно было поверить, ведь к своим 82 годам ААЗ не успел состариться, он был легок и скор, полон молодого энтузиазма и интереса к жизни. Нам теперь предстоит осознать, что его жизнь кончилась, что он сделал то, что сделал, и сказал то, что успел

сказать. Нам предстоит постичь логику его жизни во всей ее непоправимой завершенности.

За прошедшие дни было сказано и написано много прекрасных слов, – это были не только слова боли его осиротевших учеников и коллег, но и впервые произнесенные, но давно сложившиеся в сознании оценки трудов и личности ученого и его роли в отечественной филологии. Его имя ставили в один ряд с именами корифеев отечественной науки о русском языке – А. А. Шахматова, Н. Н. Дурново, Н. С. Трубецкого; его личность сравнивали с Моцартом и Пушкиным.

Я познакомилась с Андреем Анатольевичем в 1958 году, когда он, 23-летний, вернулся из Парижа и начал вести на филологическом факультете МГУ курс санскрита, а затем ведийского языка, древнеперсидской клинописи, несколько позже арабского языка, древнееврейского языка и лингвистических задач. Это были факультативные занятия, на которые собирались студенты разных курсов. Все эти курсы читались и в последующие годы, к ним добавлялись другие, уже связанные в основном с русским языком.

Этот резкий поворот ААЗ от индоевропеистики и востоковедения к русистике некоторым кажется необъяснимым. Действительно, в этом был элемент случайности, хотя была и своя логика, и закономерность. В самом деле, студента английской группы романо-германского отделения неожиданно командировали на стажировку в Париж. Выбор из всех студентов филфака Андрея Зализняка, при всей случайности конкретных обстоятельств и бюрократических соображений, был оправдан не только его блестящими успехами в учебе, но и владением французским и многими другими языками.

В Париже он слушает лекции выдающихся лингвистов, изучает древние индоевропейские и восточные языки. И вот в 1958 году в Москву возвращается молодой ученый, получивший блестящую подготовку по индоевропеистике и общей лингвистике, и ему открываются прекрасные научные перспективы именно в этой области.

С этого он и начинает в МГУ, где почти в то же время Вячеслав Всеволодович Иванов, учитель ААЗ, вел занятия по крито-микенским надписям, хеттской клинописи и читал курс введения в сравнительную грамматику индоевропейских языков (однако уже осенью 1958 года Вяч. Вс. Иванов был уволен из МГУ за поддержку Пастернака и связь с Романом Якобсоном).

В 1960 году ААЗ, еще не окончившего аспирантуру, приглашают на работу в Институт славяноведения, в отдел славянского языкознания. Руководитель этого отдела, известный славист, ученик А. М. Селищева и глава отечественной славистики Самуил Борисович Бернштейн, озабоченный сбором научной молодежи и уже добившийся зачисления в Институт таких ярких лингвистов, как В. А. Дыбо и В. М. Иллич-Свитыч, возлагает большие надежды на Зализняка и предлагает ему заняться углубленным изучением славяно-иранских языковых контактов.

Эта область славистики была (и остается) слабо разработанной, и ААЗ с его глубокой и разносторонней индоевропейской лингвистической подготовкой был единственной надеждой Бернштейна. Но этой надежде не суждено было сбыться. Я хорошо помню то время, когда за Андреем Анатольевичем числилась плановая славяноиранская тема; помню, как он томился и страдал, потому что его научные интересы уже лежали совсем в другой области. В результате этот этап

завершился публикацией всего двух, хотя и вполне профессиональных и обстоятельных статей в институтских изданиях.

В те годы С. Б. Бернштейн с досадой говорил о Зализняке: «Умная голова, да дураку досталась» (недавно я в разговоре с ААЗ вспомнила об этой формуле, и он весело смеялся). Впоследствии Самуил Борисович в полной мере оценил значение трудов ААЗ в области русистики, а их теплые личные отношения сохранялись до самой смерти С. Б.

Этой совсем другой областью был русский язык. Всем известны феноменальные способности ААЗ к иностранным языкам, проявившиеся еще в школьные годы, но он не раз говорил, что его интересуют не языки, а язык, язык как совершенный и исключительно сложный механизм, сделавший человека человеком и обеспечивший его непрерывный прогресс в познании мира и самого себя. Такое постижение глубинных механизмов языка возможно только на базе родного языка.

Работа с русским языком как предметом изучения началась для ААЗ с краткого очерка русского языка для французов, который он опубликовал в качестве приложения к учебному русско-французскому словарю, а сам словарь стал «побочным продуктом» стажировки во Франции. Именно из этого приложения тянутся нити ко всему дальнейшему блестящему пути Андрея Анатольевича как русиста. Уже работа над приложением показала, сколь неточны, неполны и противоречивы были описания морфологии русского языка в имеющихся грамматиках.

Его строгий ум не мог мириться с таким несовершенством, и он стал искать пути к более адекватному представлению языковых правил. Обнаружились и серьезные лакуны в науке о русском языке: в грамматиках полностью отсутствовали правила, касающиеся ударения. Единственным автором, работы которого по русскому языку были близки ААЗ, оказался репрессированный в 1930-е годы Николай Николаевич Дурново. В подходе, который избрал Андрей Анатольевич, главными были строгая логика и полнота фактических данных; ничто не должно было быть упущено, нужно было найти алгоритм построения правильных грамматических форм с учетом ударения – сначала исчерпывающий анализ реальных форм, а затем четкие правила их порождения.

Кандидатская диссертация А. А. Зализняка называлась «Классификация и синтез именных парадигм в русском языке», за нее ему по рекомендации оппонентов и единодушному решению ученого совета Института славяноведения в 1965 году была присуждена ученая степень доктора филологических наук. В 1967 году диссертация была издана в виде книги «Русское именное словоизменение», сразу же ставшей классикой русистики.

Ее естественным продолжением и развитием был «Грамматический словарь русского языка», вышедший через десять лет, – первое полное описание всех грамматических форм русского языка, по которому для каждого из почти 100 тыс. слов можно было построить все его словоизменительные формы. И вся эта грандиозная работа была выполнена до появления компьютеров, вручную! Впоследствии это описание, в полной мере удовлетворяющее самым строгим требованиям автоматического порождения всех словоизменительных форм русского языка, легло в основу русского Интернета.

Такого рода труд, казалось бы несоизмеримый с возможностями одного человека, был под силу только такому ученому, как ААЗ с его потребностью и

способностью «наводить порядок» в бескрайнем море фактов и «идти до конца» по пути установления истины. Этому помогала общая научная атмосфера 1960-х годов, интерес к точным методам в гуманитарных науках, и особенно в лингвистике, развитие исследований в области машинного перевода, а затем и семиотики. Во всех этих направлениях одним из лидеров был учитель Зализняка Вяч. Вс. Иванов.

В том же 1960 году, когда ААЗ был принят на работу в Институт славяноведения, по специальному решению Президиума Академии наук СССР были созданы секторы структурной лингвистики в трех академических институтах: Институте языкознания под руководством А. А. Реформатского, Институте русского языка под руководством С. К. Шаумяна и Институте славяноведения под руководством В. Н. Топорова (которому в то время было всего 32 года). А. А. Зализняк, преподававший в университете, рекомендовал Владимиру Николаевичу нескольких своих учеников; я была в их числе, и это определило всю мою дальнейшую научную судьбу.

Спустя несколько лет ААЗ перешел из сектора, занимавшегося «традиционной» славистикой, в сектор структурной типологии (где он проработал до самой смерти), которым впоследствии руководил Вяч. Вс. Иванов, затем Т. М. Николаева, Ф. Б. Успенский и в самое последнее время И. А. Седакова. В первом же издании сектора – сборнике «Структурно-типологические исследования» 1962 года – была напечатана статья ААЗ, посвященная строгому формальному описанию правил уличного движения как одной из «простых» систем, изучение которых необходимо для обращения к таким сложным системам, как язык.

Это было, таким образом, прямым предвосхищением его формальной морфологии. ААЗ активно участвовал в знаменитом Симпозиуме по структурному изучению знаковых систем 1962 года, в Тартуских летних школах по семиотике, во многих других научных мероприятиях и изданиях сектора. Но всё же основная линия его научной деятельности была связана именно с русистикой – сначала с созданием строгого формального описания словоизменения современного русского языка, а позднее с историей русского языка. Поворот от современности к истории наметился очень рано: уже в 1962 году ААЗ выступил с докладом на тему «О возможной связи между операционными понятиями синхронного описания и диахронией».

Вполне закономерным этапом научного пути Андрея Анатольевича стала разработка акцентологии русского языка. Эта линия также восходит в конечном счете к очерку русской морфологии в кратком русско-французском словаре. Его первая работа по этой тематике («Ударение в современном русском склонении») появилась уже в 1963 году. Интерес ААЗ к теории и истории русского ударения поддерживался не только его собственным стремлением к исчерпывающему описанию русского словоизменения, но и пионерскими работами его ближайших коллег по институту В. А. Дыбо и В. М. Иллич-Свитыча в области славянской акцентологии. Благодаря акцентологическим трудам А. А. Зализняка было впервые построено прочное здание истории русского ударения.

С 1982 года и до последних дней жизни ААЗ работал над дешифровкой и толкованием новгородских берестяных грамот, в результате чего им был реконструирован особый древненовгородский диалект как разновидность русского народного языка древнейшей поры, создана теория палеографии берестяных грамот и практическая система палеографических показателей (он называл это

«дискретизацией континуума»), позволяющих датировать грамоты и надписи с большой точностью, сопоставимой с точностью дендрологической и иных датировок.

Этот круг работ ААЗ, выполненных в сотрудничестве с В. Л. Яниным, А. А. Гиппиусом и другими коллегами-«новгородцами», получил не только признание специалистов (археологов, историков, лингвистов), но и большую известность в широких кругах общества, в том числе и благодаря ежегодным лекциям Андрея Анатольевича в МГУ, которые пользовались невиданной популярностью среди студентов разных факультетов и научной общественности.

Именно изучение языка новгородских грамот позволило ААЗ подвергнуть новому анализу текст «Слова о полку Игореве», споры о подлинности и датировке которого не прекращались многие десятилетия, и показать, что лингвистические особенности этого текста указывают на его безусловную древность и подтверждают его отнесение к XII веку.

Весной 1992 года, после одной из лекций по истории русского языка в РГГУ, моя дочь Марфа Толстая и ее коллега Александра Тер-Аванесова обратились к Андрею Анатольевичу с вопросом о перспективах включения материалов берестяных грамот в Словарь древнерусского языка XI–XIV веков. ААЗ сказал, что все эти материалы у него обработаны и он беспокоится об их сохранности. Тогда Марфа предложила набрать их на компьютере.

«Вы это серьезно говорите?» – спросил ААЗ. У него в то время не было компьютера (появился он гораздо позже, только в 2000 году). Решено было попробовать. Андрей Анатольевич передавал Марфе написанные от руки (обычно карандашом и очень аккуратным почерком) тексты грамот и комментариев, и она вносила всё это в компьютер. В результате ею был целиком набран текст «Древненовгородского диалекта», сделан макет этой книги, изданной в 1995 году.

Ей же принадлежат макеты всех последующих книг ААЗ, в том числе исключительно трудоемкого тома по палеографии берестяных грамот, потребовавшего применения особой, специально разработанной техники набора и макетирования. Со временем ААЗ сам прекрасно овладел компьютером и свободно набирал тексты своих книг и статей, хотя его требованиям к логике и точности интерфейс компьютера удовлетворял не в полной мере.

В 2000 году в Новгороде была обнаружена уникальная восковая книга XI века с текстами псалмов, под которыми на деревянной (липовой) основе ААЗ рассмотрел слабые следы многочисленных текстов, писавшихся на воске ранее, в виде бесчисленных и беспорядочно наслоившихся друг на друга буквенных штрихов. В течение нескольких лет Андрею Анатольевичу удалось невероятное – прочитать, фактически дешифровать, большие фрагменты этих текстов.

Трудности этой реконструкции невозможно переоценить. Однако эту работу ему пришлось оставить, в том числе из-за возникших проблем со зрением. Тем не менее судьба этого памятника и перспективы дальнейшего его изучения не переставали волновать ААЗ. Сейчас невозможно себе представить, кто смог бы продолжить эту работу.

Стала уже афоризмом фраза ААЗ, сказанная им на церемонии вручения ему премии имени А. И. Солженицына, о том, что истина существует и задача науки – ее поиск [1]. Это убеждение было для ААЗ и философией, и религией, и стратегией жизни. Оно вдохновляло его на всем его многотрудном научном пу-

ти, и оно же давало ему силу возвысить свой голос против лженауки и разного рода научных спекуляций типа исторических «реконструкций» Фоменко и его сторонников.

В этом проявился его общественный темперамент, для многих неожиданный, ведь он был мало вовлечен в систему отношений в научной среде, редко откликался на работы коллег, не выступал оппонентом, не руководил аспирантами, не занимал никаких должностей, не входил ни в какие ученые советы и комиссии, за редкими исключениями, не подписывал никаких писем – ни протестных, ни защитных. Но при этом его влияние на научное сообщество – особенно благодаря преподаванию и публичным выступлениям – было и остается огромным.

Я в своей жизни не встречала более счастливого человека, чем ААЗ. Более счастливого и более свободного. Как удавалось ему в нашей стране и в наше время быть свободным от пут действительности, от обстоятельств, которые многих его современников либо ломали, либо сковывали и угнетали? Как ему удавалось не видеть ничего, кроме самой жизни, радости труда и познания? Он наслаждался своей работой, общением с молодежью, он был счастлив в своей семье и в друзьях (с некоторыми дружил со школьных лет). Он каким-то непостижимым образом сумел отодвинуть от себя всё, что способно было остановить или задержать его стремительное движение к научной истине, к познанию языка и проникновению в его тайны.

Его труды, составившие эпоху в развитии науки о русском языке, будут изучаться, будут издаваться и переиздаваться, на них будут воспитываться новые поколения русистов. Но больше не будет его лекций и докладов, его живого голоса, его провоцирующих вопросов к слушателям, его детского смеха, не будет его новых книг и статей. Тем, кому посчастливилось знать его многие годы и учиться у него, трудно с этим смириться.

Светлана Толстая,

докт. филол. наук, профессор, академик РАН, зав. отделом этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН

<https://trv-science.ru/2018/01/16/fenomen-zaliznyaka/>

Ни одной проходной статьи, ни одной лишней строки

Алексей Гиппиус – памяти лингвиста Андрея Зализняка

24 декабря на 83-м году жизни умер выдающийся российский лингвист, академик Андрей Зализняк. По просьбе «Медузы» Зализняка вспоминает один из его ближайших соратников по исследованию берестяных грамот, профессор Высшей школы экономики, член-корреспондент РАН Алексей Гиппиус.

Весть о смерти Андрея Анатольевича Зализняка разнеслась мгновенно, вызвав ощущение глубочайшей утраты и боли у чрезвычайно большого числа людей, даже не знавших его лично. Сделанное им в языкознании огромно и сохранит свое значение до тех пор, пока существует лингвистическая наука. Сказать, что Зализняк был крупнейшим исследователем берестяных грамот и доказал подлинность «Слова о полку Игореве», – значит не сказать о нем ничего. Во всех областях лингвистики, в которые он внес свой вклад, его труды составили эпоху.

Одна из первых книг Зализняка, «Русское именное словоизменение», принадлежит к вершинным достижениям мировой лингвистической мысли,

а основанный на ее теоретических принципах «Грамматический словарь русского языка» – беспрецедентное по полноте и строгости описание русской морфологии – лежит в основе современных компьютерных алгоритмов проверки орфографии и поиска в русском сегменте интернета.

Обращение Зализняка к новгородским берестяным грамотам впервые раскрыло для славистики бесценный лингвистический потенциал этого источника, позволив по-новому прочесть сотни древнерусских текстов. Уникальная, казавшаяся сверхъестественной способность Зализняка приводить в строгий порядок огромные массы языкового материала, находила выход во всем, чем он занимался. Систематизирующей мощи его интеллекта поддавались самые тонкие и сложноорганизованные сферы языка: синтаксис древнерусских энклитик, история акцентных систем и другие.

К своему дару Зализняк относился с удивительным, редко встречающимся в академической среде целомудрием: никогда не отвлекался на мелочи, не написал ни одной проходной работы, лишнего абзаца, лишней строки. Все, что он писал, было эталоном качества и служило решению главных жизненных задач. Отсюда – титаническая продуктивность, в последние годы не только не ослабевшая, но наоборот, возросшая. Стремление «дойти до самой сути» заставляло его вновь и вновь возвращаться к написанному – пополняя, исправляя, реагируя на новые данные. Смерть застала его на очередном подъеме, с подготовленным новым изданием книги о древнерусском ударении и классического «Древненовгородского диалекта».

Но Зализняк был больше, чем великим лингвистом. Бескомпромиссное служение истине сделало его и нравственным авторитетом. Знаменитые слова из речи, произнесенной при получении в 2007 году премии Александра Солженицына: «Истина существует, и целью науки является ее поиск» – стали символом отстаивания профессионального научного знания от натиска псевдонаучных спекуляций разных мастей.

Несколько поколений лингвистов, имевших счастье учиться у Андрея Анатольевича на филологическом факультете МГУ, обязаны ему не только школой научного мышления, но и представлением об идеале ученого. Фундаментальная лингвистика была в его исполнении начисто лишена унылой «серьезности», обрела моцартианскую легкость и пушкинскую простоту, заражала энергией радостного познания. Обаяние его личности было грандиозно, а на лекциях царила атмосфера праздника. И хотелось думать, что так будет всегда.

16 декабря, за неделю до смерти, Зализняк провел последнее в семестре занятие по «Истории русского ударения» и, расписавшись в студенческих зачетках, вышел из 11-й поточной аудитории, чтобы войти в вечность, навсегда оставшись в наших сердцах.

Алексей Гиппиус, специально для «Медузы»
<https://meduza.io/feature/2017/12/25/ni-odnoy-prohodnoy-stati-ni-odnoy-lishney-stroki>

«Истина существует»: в чем заключался гений Андрея Зализняка

Автор: Максим Кронгауз, лингвист, доктор филологических наук

24 декабря на 83-м году жизни скончался известный лингвист, лауреат Государственной премии России Андрей Зализняк. Он заложил основы изучения древненовгородского диалекта по материалам берестяных грамот и доказал

подлинность «Слова о полку Игореве». Доктор филологических наук Максим Кронгауз рассказывает, почему Андрей Анатольевич оказал значительное влияние на всю современную отечественную лингвистику.

Когда умирает великий человек, нужно подводить итоги. Но если ты был с ним близко связан большую часть своей жизни, это очень трудно сделать. Хочется просто вспоминать какие-то эпизоды.

Я поступил на филфак МГУ в 1975 году. Андрею Анатольевичу Зализняку было сорок лет, но уже тогда его считали гением и великим лингвистом. Я подзреваю, что общепризнанным гением он был с самой ранней молодости, и, наверное, с этим не очень просто жить. Особенно в Советском Союзе, где разница между общим признанием и официальным была ощутима, а порой и трагична.

Гениальность ААЗ улавливалась сразу. Для этого не требовалось ничего знать ни о его Грамматическом словаре русского языка, ни о подтверждении подлинности «Слова о полку Игореве», ни о лингвистическом опровержении исторической концепции академика Фоменко, ни о многолетнем исследовании новгородских берестяных грамот, ни уж тем более о Государственной премии 2007 года.

Вот я, двадцатилетний студент, сижу на его лекции по санскриту и испытываю абсолютное чувство погружения в другой мир. Мы, едва овладев деванагари (индийским письмом) и только приступив к грамматике, уже читали величайший эпос «Махабхарату» с полным ощущением близкого знакомства со всеми этими Пандавами и Кауравами, а уж Арджуна просто казался нам старшим братом.

Это погружение происходило одновременно и магическим, и научным путем, потому что, анализируя грамматическую форму какого-нибудь слова, мы вдруг понимали психологию человека, ее употребившего. Мне тогда казалось, что я разбираюсь в тонкостях и глубинах санскрита, в индийском эпосе, в психологии людей да вообще во всем на свете. Господи, куда это все делось!

Через сорок лет я сижу на лекции ААЗ на летней лингвистической школе, куда он приезжал в течение многих лет, чтобы прочесть школьникам специально подготовленную лекцию. И вижу, как девятиклассник распознает еще полчаса назад неведомую ему праславянскую форму и приходит в восторг от собственного могущества, от того знания, которое он приобрел за одну лекцию.

Впрочем, с высоты этих сорока лет я уже понимаю, что все не так просто и мы со школьником – жертвы гения, который дал нам подержать свой инструмент, а потом, подведя к проблеме, произнес: «Используй!», – а потом еще и подтолкнул нерешительного слушателя и поддержал его руку. В действительности мы не совершали открытия, а лишь повторяли его.

ААЗ легко и щедро делился открытиями и вместе с аудиторией решал головоломные задачи, но волшебства хватало только на время лекции. Впрочем, это не совсем так. Самые упорные студенты, прошедшие с ААЗ (а точнее, вслед за ним) не отдельные лекции, а целые курсы от начала до конца, действительно приобретали уже не краткую иллюзию интеллектуального всемогущества, но некое устойчивое ощущение.

Я помню, что именно в студенческие годы у меня сформировалось мнение о себе (точнее было бы назвать это самомнением) как о человеке, способном решить любую задачу. Позднее оно слегка истрепалось и модифицировалось в нечто более скромное – «есть задачи, которые я могу решить» (что тоже не так мало), но разве это не пример прямого влияния ААЗ?

И вот тут надо сказать, что влияние Зализняка на наше научное поколение было огромным, хотя он сам, скорее всего, не признал бы этого, поскольку долгое время избегал прямого высказывания. Он учил нас прежде всего отвечать на вопрос «как», а не на вопрос «почему».

Именно поэтому я бы назвал это влияние стилистическим. Оно подразумевалось, но не проговаривалось. В результате мы приобрели интеллектуальную смелость, уверенность в том, что если существует задача, ее можно решить, если есть мысль, ее можно понять, а если что-то можно решить и понять, то это можно и объяснить.

Впечатление о Зализняке как о человеке, избегавшем социальной ответственности и прямых высказываний о морали и вообще о главном, оказалось обманчивым. Ярчайшим примером социальной ответственности стала борьба с антинаукой, причем в разных ипостасях. Здесь и опровержение теории Фоменко, и разоблачение Велесовой книги, да и, пожалуй, подтверждение подлинности «Слова о полку Игореве».

Только надо понимать, что все это делалось не ради самого опровержения или подтверждения, а ради установления истины строго научным путем. И замечательно то, что сам Андрей Анатольевич проговорил это так ясно, что не оставил никаких сомнений.

Его речь на церемонии вручения ему литературной премии Александра Солженицына стала образцом строгого, прямого и глубокого высказывания о современности. Ее всю можно разбить на цитаты о поколениях, о патриотизме, о честности, об ответственности и, конечно, об истине.

«Истина существует, и целью науки является ее поиск», – сказал Андрей Анатольевич Зализняк. И это самое малое – и одновременно самое большое, – что можно сказать об истине. И самое понятное. И я не знаю больше ни одного моего современника, который смог бы сказать это.

<http://tass.ru/opinions/4841746>

Максим Руссо

Памяти Андрея Анатольевича Зализняка

24 декабря 2017 года стало концом огромной и прекрасной эпохи в отечественной науке. В этот день умер выдающийся лингвист Андрей Анатольевич Зализняк – крупнейший авторитет для коллег-ученых и неутомимый просветитель, известный множеству людей за пределами академических кругов.

В последние десятилетия Андрей Зализняк был знаменит прежде всего как исследователь истории русского языка. Достаточно упомянуть его работы по языку новгородских берестяных грамот и лингвистический анализ вопроса о подлинности «Слова о полку Игореве». Но нельзя забывать, первое признание как крупный ученый он получил в середине 1960-х годов своими работами по грамматике современного русского языка. В 1965 году он защитил в Институте славяноведения АН СССР диссертацию «Классификация и синтез русских флективных парадигм» (за нее была присуждена сразу докторская степень). Работы Андрея Зализняка были посвящены в первую очередь строгому и полному описанию русского именного словоизменения, то есть склонения существительных, прилагательных, числительных и местоимений. Решая эту задачу, он уточнил определения многих теоретических понятий лингвистики (например, статьи «О

понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях», «О показателях множественного числа в русском склонении»).

Первый достаточно полный вариант описания русского словоизменения Зализняком был опубликован в 1961 году («Очерка русского словоизменения и сведений по русской фонетике») в качестве приложения к составленному им учебному русско-французскому словарю. А в 1967 году появилась книга «Русское именное словоизменение» (переиздана в 2002 году с приложением избранных статей А. А. Зализняка по современному русскому языку и общему языкознанию), содержащая наиболее полное описание русского склонения с детальной классификацией парадигм, классов чередований и схем ударения. В общетеоретической части книги А. А. Зализняк сумел дать точные определения таких важных для морфологии понятий как лексема, словоформа, парадигма, грамматическое значение, граммаема, грамматическая категория и других. Также в монографии впервые для описания русского языка вводилось понятие «согласовательный класс».

К 1977 году А. А. Зализняком была завершена работа по составлению «Грамматического словаря русского языка», в котором было представлено около 100 тысяч слов, уже не только имен, но и глаголов, с указанием, к какой словоизменяемой модели и акцентной парадигме они принадлежат. В то время могло показаться, что вся исследовательская деятельность по описанию русского словоизменения и составлению подобного словаря представляет интерес для довольно узкого круга специалистов по русской грамматике и сравнительной грамматике славянских языков. Насколько такое мнение неверно, стало понятным в 1990-е годы, когда на основе «Грамматического словаря» и строгого формального описания словоизменяемых парадигм русских слов начали создаваться компьютерные программы по автоматическому анализу текста, решавшие вполне прикладные задачи, такие как, например, автоматическая проверка орфографии.

Работу в Института славяноведения Андрей Анатольевич многие годы сочетал с преподаванием на филологическом факультете МГУ, где он прославился как блестящий лектор. Каждая лекция Зализняка была увлекательным, хотя порой нелегким интеллектуальным упражнением для студентов, так как им самим, решая искусно поставленные лектором задачи, приходилось получать итоговые выводы. В основном А. А. Зализняк преподавал на отделении структурной и прикладной лингвистики, где читал лекции по введению в специальность, а также ориентированные на лингвистов курсы различных языков: санскрита, арабского, венгерского. Также он преподавал в Университете Экс-ан-Прованса, Университете Париж X – Нантер, Женевском университете. Позднее стали известны его регулярные лекции о найденных в ходе очередного сезона раскопок в Новгороде берестяных грамотах, собиравшие не только профессиональных лингвистов и студентов, но и большое количество заинтересованных слушателей, которым приходилось порой преодолевать сопротивление службы охраны МГУ, чтобы попасть в аудиторию.

Преподавательский талант А. А. Зализняка и его способность подтолкнуть студента мыслить самостоятельно нашли еще одно воплощение. В 1963 году он опубликовал статью «О самодостаточных лингвистических задачах», где приводил примеры задач на грамматический анализ самых разных языков, в которых от решающего не требовалось никаких предварительных знаний в данном языке.

Условие задачи содержало всю необходимую информацию, требовалось ее внимательно проанализировать, найти скрытые закономерности и на их основе получить ответ: построить требуемые формы слов, найти соответствие между словами и их переводами, перевести предложения с русского языка на незнакомый и с незнакомого на русский. С тех пор лингвистические задачи стали популярным жанром, используемым при обучении студентов и школьников. С 1965 года в Москве стала проводиться Традиционная Олимпиада по лингвистике и математике для школьников, а с 2003 года ежегодно проходит Международная олимпиада по лингвистике.

С 1970-х годов Андрей Анатольевич Зализняк занимается исследованиями по истории русского языка, причем его более всего привлекает, пожалуй, самый трудный и малоизученный ее раздел – историческая акцентология, то есть изучение истории ударения. В древних письменных памятниках редко содержалась информация о месте ударения в словах, поэтому, чтобы реконструировать эволюцию русского ударения, нужно опираться на анализ особенностей современной акцентологии, диалектные данные, сравнение с родственными языками и очень немногочисленные акцентуированные рукописи. В этой области А. А. Зализняку принадлежат фундаментальные исследования «От праславянской акцентуации к русской» (1985) и «“Мерило Праведное” XIV века как акцентологический источник» (1991), а также статьи, которые в 2010 году вошли в состав первого тома его «Трудов по акцентологии», второй том представляет древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель по текстам XIV – XVII веков.

Еще одна область исследований А. А. Зализняка в исторической русистике – изучение языка новгородских берестяных грамот. За годы работы он доказал, что там, где ранее видели ошибки древних авторов, их недостаточное владение нормой древнерусского языка, на деле скрывается другая норма, свойственная диалекту древнего Новгорода. За хаосом кажущихся неправильностей скрывалась строгая система, но увидеть ее было непросто. В частности в Новгороде существовала особая система орфографии (ее теперь называют «бытовой» в отличие от «книжной»), где, например, допускалось смешение букв Ъ и О, а также Ь и Е (поклоно вместо поклон, коне вместо конь). В языке грамот был открыт целый ряд неизвестных явлений, например, отсутствие в древненовгородском диалекте так называемой «второй палатализации», проявляющейся в переходе исторических звуков С и К в определенных позициях в Х и Ц соответственно. Например, в грамоте 247, найденной в 1956 году, слова «а замъке кѣле а двѣри кѣлѣ» переводили как «а замок кельи и двери кельи». Когда же стало понятно, что грамота отражает отсутствие второй палатализации, был найден правильный перевод «а замок цел и двери целые», что соответствует общему содержанию грамоты – она описывает ложное обвинение в грабеже.

Изучение берестяных грамот позволило значительно уточнить хронологию различных событий в истории русского языка: падения редуцированных гласных, возникновение грамматической категории одушевленности, эволюцию грамматической системы глагола. В этом отношении грамоты служат более показательным источником, чем рукописи, так как грамоты отражают речь того периода, когда они были написаны, а манускрипты могли многократно переписываться в течение веков, и характеристики речи автора в них затемняются особенностями, присущими речи позднейших переписчиков. К тому же грамоты

стали уникальным источником по синтаксису разговорного древнерусского языка, не отраженного в других типах документов. На основе берестяных грамот А. А. Зализняк составил описание диалекта Новгорода («Древненовгородский диалект» 1995, второе издание дополненное по новым находкам – 2004).

В 2008 году вышла в свет монография А. А. Зализняка «Древнерусские энклитики», посвященная маленьким словам, не имеющим самостоятельного ударения. Среди них есть частицы (же, ли, бо), местоимения в дательном или винительном падеже (ми, ти, си... мя, тя, ся...), формы вспомогательного глагола (есмь, еси...). Долгое время авторы грамматических описаний не уделяли большого внимания энклитикам, тогда как на самом деле их поведения подчиняется строгим правилам. Энклитики разбиваются на ранги, определяющие порядок их следования. Например, в древнерусском языке будет правильной фраза отступилъ ти ся есмь того села «я отступился в твою пользу от того села», но никак не отступилъ ся ти есмь того села или отступилъ есмь ти ся того села. Правила порядка энклитик были весьма жесткими, нарушение их можно сравнить с нарушением порядка морфем внутри слова, как если бы мы вместо ид-е-м-те сказали ид-е-те-м.

Зализняк на материале древнерусских памятников раскрывает правила, которые определяли расположение энклитик внутри фразы. Например, можно было сказать отступилъ ти ся есмь того села или того ти ся есмь села отступилъ, но невозможным было того села ти ся есмь отступилъ или того села ти ся есмь отступилъ. Затем он исследует эволюцию энклитик на протяжении XI – XVII веков, приведшую к их современному виду. В частности, он описывает, как форма местоимения ся превратилась в грамматическую морфему, очутившись в итоге на самом конце глагольной словоформы и утратив способность отделяться от нее.

Фундаментальные исследования по древнерусскому языку позволили А. А. Зализняку проанализировать с лингвистической точки зрения знаменитое «Слово о полку Игореве», чтобы определить вероятность того, что это произведение было создано фальсификатором XVIII века («Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста», 2004). В этой работе он указывает, что потенциальный изготовитель подделки должен был бы обладать поистине фантастическими познаниями в древнерусской грамматике, которых не было у ученых его времени. Некоторые языковые явления, последовательно соблюдающиеся в тексте «Слова о полку Игореве», были выявлены и описаны лингвистами лишь в XX, а иногда даже в XXI веке. Соблюдаются в тексте даже тонкие закономерности распределения ошибок переписчика внутри текста, о которых также не подозревали филологи, при жизни которых «Слово» было впервые опубликовано. В результате Зализняк приходит к выводу, что вероятность того, что «Слово о полку Игореве» представляет собой подделку XVIII века, исчезающе мала.

Важной частью деятельности А. А. Зализняка стало лингвистическое просвещение. Его популярные лекции, которые он мог делать доступными и для школьников, и для людей без специального лингвистического образования, сочетали понятность с убедительностью. В этих лекциях и статьях (вошли в книгу «Из заметок о любительской лингвистике») он показывал несостоятельность сенсационных псевдонаучных теорий, таких как «Новая хронология», поддельных древних памятников вроде «Велесовой книги» и распространенных в массовом сознании мифов о языке. В речи при получении Солженицынской премии он

говорил: «Истина существует, и целью науки является ее поиск. <...> По-видимому, те, кто осознаёт ценность истины и разлагающую силу дилетантства и шарлатанства и пытается этой силе сопротивляться, будут и дальше оказываться в трудном положении плывущих против течения. Но надежда на то, что всегда будут находиться и те, кто все-таки будет это делать».

Яснее не скажешь

Памяти выдающегося лингвиста, академика Андрея Зализняка

24 декабря на 83-м году жизни скончался академик Андрей Анатольевич Зализняк – человек, которого без каких-либо оговорок можно назвать величайшим российским лингвистом нашего времени. С этим согласятся все – даже те, чьи научные интересы очень далеки от того, чем он занимался. В последние три десятилетия основной сферой его исследований была история русского языка. Эта почтенная консервативная область знаний, казалось бы, была изучена во всех подробностях к середине XX века – но и тут Зализняк сумел открыть невероятно много нового. С просьбой рассказать об основных научных достижениях академика Зализняка редакция N + 1 обратилась к лингвисту, лауреату премии «Просветитель» 2017 года Александру Пиперски.

Когда о достижениях ученого спрашивают математики, они в первую очередь интересуются: какие у него есть *результаты*? Зализняк – один из немногих лингвистов, про которых дать ответ на такой вопрос легко; нелегко только выбрать из его многочисленных результатов. Но особенно важно, что его результаты легко понять даже людям, далеким от лингвистики, а лингвисты, как и обо всем гениальном, думают о них: «Ну это же так кристально ясно! И почему мне не приходило в голову?..» И в этом тоже величие Зализняка: не только открыть, но и объяснить другим. Не зря студенты, которым задают читать его работы, жалуется, что их невозможно конспектировать, потому что короче и яснее не скажешь.

Грамматический словарь

В 1961 году в свет Зализняк издал «Краткий русско-французский учебный словарь с приложением очерка русского словоизменения и сведений по русской фонетике». В словаре всего 10 тысяч слов – не так уж и много. Но почти при каждом слове стояли какие-то непривычные пометы: *дуб*^{1с}, *поток*^{3а}, *фонарь*^{2b}. Что это за странные надстрочные символы и зачем они нужны? Все ведь со школьных лет и так знают, что *дуб*, *поток* и *фонарь* – это второе склонение, и объяснить тут нечего.

Однако для полного описания русского языка этого знания недостаточно. Чтобы убедиться в этом, образуем родительный падеж единственного числа и именительный падеж множественного числа:

нет дуба – есть дубы́,

нет пото́ка – есть пото́ки,

нет фонаря́ – есть фонари́.

Видно, что в окончаниях этих слов появляются разные буквы (в одном – *а* и *ы*, в другом – *а* и *и*, в третьем – *я* и *и*), да и с ударением все очень непросто: у слова *дуб* оно падает то на окончание, то на основу, у слова *поток* оно всегда на основе, а у слова *фонарь* – всегда на окончании, если только это окончание не нулевое. Именно это и выражают пометы: цифры обозначают, на что оканчива-

ется основа и как будут выглядеть окончания (1 – основа на «обычный» твердый согласный, 2 – основа на мягкий согласный, 3 – основа на *к, г* или *х* и так далее), а буква обозначает схему ударения (*a* – всегда на основе, *b* – всегда на окончании, *c* – подвижное ударение: в единственном числе на основе, а во множественном – на окончании и так далее). Эти примеры демонстрируют только небольшую часть тех сложностей, с которыми мы сталкиваемся при описании русского склонения и спряжения – и не случайно грамматический очерк, в котором все это подробно описывается, занимает 150 страниц в конце словаря.

В 1965 году Зализняк защитил диссертацию «Классификация и синтез именных парадигм современного русского языка», которая подавалась на соискание кандидатской степени, но была удостоена сразу докторской (математик Владимир Успенский рассказывает [ссылка: <http://polit.ru/article/2009/07/09/linguist/>], что добиться этого было не так-то просто, но выдающаяся ценность работы перевесила все привходящие обстоятельства). В 1967 году выходит книга «Русское именное словоизменение», а в 1977 году – «Грамматический словарь русского языка». Этот монументальный труд стал итогом двух десятилетий работы, тяжесть которой в наши дни трудно себе вообразить.

Много лет спустя, в предисловии к очередному переизданию словаря, Зализняк писал: «„Это же немыслимый абсурд – делать такую работу без компьютера“, – доводилось мне слышать. В действительности рабочим инструментом были четыре хлебных лотка, раздобытых в соседней булочной; в каждый входило по 25 тысяч карточек из тонкой бумаги». Слова в «Грамматическом словаре» отсортированы не по первым буквам, а по последним. Это может показаться странным, но в докомпьютерную эпоху такая сортировка была чрезвычайно полезной. Если вы изучаете русское словоизменение, вам могут понадобиться, например, все глаголы на *-уть*, а чтобы извлечь их из обычного словаря, понадобится прочитать его целиком; здесь же все они собраны в одном месте.

Прошло совсем немного времени после выхода «Грамматического словаря», и оказалось, что нужно учить компьютер анализировать и синтезировать формы русских слов. Тут-то и пригодился грамматический словарь: выяснилось, что существует полное и четко формализованное описание русского словоизменения, которое и легло в основу большинства компьютерных программ, работающих с русским языком. Так, если ввести в поисковую систему слово *стол*, найдутся и страницы, где написано *стола, столу, столы* и так далее – а ведь для этого компьютер должен знать русскую морфологию. Он ее и знает благодаря «Грамматическому словарю» – и не зря сегодня почти во всех статьях про русские слова в Викисловаре подписано что-то вроде «тип склонения 2b по классификации А. А. Зализняка».

История русского ударения

В 1970-е годы область научных интересов Зализняка постепенно смещается: от современного русского языка и теоретической лингвистики он переходит к истории русского языка. В 1978 году он публикует две статьи – «Новые данные о русских памятниках XIV–XVII веков с различением двух фонем „типа *о*“» и «Противопоставление букв *о* и *ω* в древнерусской рукописи XIV века „Мерило Праведное“». Он подробно анализирует, как различие между буквами *о* («он») и *ω* («омега») в этом тексте позволяет понять, с каким ударением

произносились те или иные древнерусские слова: если говорить упрощенно, то *и* указывает на наличие ударения, а *о* – на безударность. Поэтому, например, написания *живѣтъ* – *живота* показывают, что и в XIV веке, как и сегодня, *о* в именительном падеже было ударным, а в родительном – безударным (*живѣтъ* – *животѣ*).

Еще интереснее устроено написание *золото* без единой буквы *и*: оно указывает, что в этом слове как бы не было ударного слога вовсе. Точнее говоря, в такой ситуации возникало так называемое автоматическое ударение на первом слоге (условно обозначим его черточкой перед словом: *̄золото*), которое звучало несколько иначе, чем «настоящее» ударение в словах типа *мижемъ* (*можем*). Различие между автоматическим и «настоящим» ударением исчезло, но следы слов без ударного слога сохранились в современном языке в некоторых сочетаниях с предлогами и частицами: так, когда мы говорим *за ногу*, слово *ногу* (старое *̄ногу*) ударения на себе не несет. Точно такое же автоматическое ударение мы видим в слове *были* (старое *̄были*): оно теряется при добавлении *не*, и получается *не были*; а вот в слове *можем* ударение «настоящее» и всегда остается на месте: *не можем*.

Примерно в это же время Зализняк обращается к изучению новгородских берестяных грамот, но не оставляет и исследований по акцентологии. Он тщательно изучает многочисленные старинные рукописи и печатные книги, привлекая к этому и своих учеников, и в 1985 году выпускает книгу «От праславянской акцентуации к русской». В ней он подробно описывает систему ударения в современном русском языке, а затем реконструирует древнерусское ударение и рассказывает, как оно превращалось в современное.

Мы сейчас говорим *груша* – *грушу* – *за грушу*, *женá* – *жену́* – *за жену́и ногá* – *ногу* – *за ногу*. Вспоминается что-то знакомое: ударение всегда на основе, ударение всегда на окончании и подвижное ударение – это же те самые схемы, которые мы уже видели в работах Зализняка про современный русский язык. В своей книге «От праславянской акцентуации к русской» он наглядно объяснил, откуда и как эти схемы произошли.

Припишем каждой морфеме (корню, окончанию и тому подобному) одну из трех помет: ↓, → или –, и договоримся, что ударение определяется самой левой стрелкой. Если это стрелка ↓, «настоящее» ударение падает на отмеченный ею слог; если это стрелка →, то на слог правее нее; если же стрелок в слове нет, а есть только минусы, автоматическое ударение падает на первый слог. Для того чтобы описать все приведенные выше примеры, достаточно разметить морфемы так: *за* –, *груш* ↓, *жен* →, *ног* –, *а* ↓, *у* –. После этого получаем все реально наблюдаемые ударения (как сказано выше, автоматическое начальное ударение обозначено черточкой перед первым слогом):

<i>груш-а</i> ↓ ↓	<i>груш-у</i> ↓ –	<i>за груш-у</i> – ↓ –
<i>жен-á</i> → ↓	<i>жен-у́</i> → –	<i>за жен-у́</i> – → –
<i>ног-á</i> – ↓	<i>̄ног-у</i> – –	<i>̄за ног-у</i> – – –

Конечно, Зализняк был не первым, кто взялся исследовать славянскую акцентологию. У него были выдающиеся предшественники: Христиан Станг, Владислав Иллич-Свитыч, Владимир Дыбо, Поль Гард. Зализняк никогда не присваивал себе их заслуг и всегда отзывался о них с огромным уважением. Однако любой, кто читал их работы, знает, что для того, чтобы их понять, нужны незаурядные умственные усилия, и только Зализняку удалось описать древнерусское (а фактически, и праславянское) ударение с абсолютной четкостью и ясностью. При этом его невозможно обвинить в упрощении: он не только дает схемы вроде той, которая описана выше, но и подробно описывает самые мелкие отклонения от них.

Красная книга 1985 года на четверть века стала настольной книгой для всех, кто занимается русской акцентологией, а указатель к ней служил акцентологическим словарем, но настоящего словаря все-таки очень не хватало. В 2010 году книга была переиздана в составе сборника «Труды по акцентологии» вместе с другими статьями Зализняка на эту тематику, а в 2011 году он выпустил в свет «Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель (XIV–XVII вв.)» – фундаментальный источник, из которого можно узнать, как менялось русское ударение на протяжении веков.

«Слово о полку Игореве» и древнерусские энклитики

В 2004 году вышла книга «Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста». Обычно говорят, что в ней Зализняк доказал подлинность «Слова о полку Игореве». Примерно это звучало и на церемонии вручения Государственной премии 2007 года, которая была ему присуждена: «Благодаря поистине филигранным исследованиям ученого была завершена дискуссия о подлинности этого древнерусского текста – текста, который служит первоисточником всей русской литературы». Сам Зализняк, впрочем, был осторожнее в суждениях, понимая границы научного метода: «Опровергнуть эту идею (о поддельности „Слова“ – А. П.) с математической непреложностью невозможно: вероятность того, что она верна, не равна строгому нулю, она всего лишь исчезающе мала. Но несомненно следует расстаться с версией о том, что „Слово о полку Игореве“ могло быть подделано в XVIII веке кем-то из обыкновенных людей, не обладавших <...> сверхчеловеческими свойствами».

В своей книге Зализняк перечислил несколько десятков лингвистических характеристик «Слова о полку Игореве», которые указывают на то, что это именно древний текст, а не поздняя подделка: в XVI–XVIII веках этих особенностей в языке уже не было, а лингвисты про них еще не знали. Пожалуй, самый сильный аргумент Зализняка – это идеально правильное употребление в «Слове» древнерусских коротких безударных слов типа *же*, *ти* «тебя», *ся* «себя».

Возьмем русское предложение *Придет ли он?* и посмотрим на слово *ли*. Его нельзя поставить ни в начало предложения (**Ли придет он?*), ни после он (**Придет он ли?*), а можно – только после первого ударного слова, в данном случае – *придет*. Это правило называется законом Ваккернагеля, а подчиняющиеся ему словечки – энклитиками. В современном русском языке ваккернагелевских энклитик мало: *бы*, *же*, *ли*. Однако если мы попробуем поставить рядом слова *бы* и *же*, обнаружится, что сказать *Он же бы мне написал* можно, а **Он бы же мне написал* – нет. Иными словами, энклитики не просто стоят после первого ударного слова, а еще и следуют в определенном порядке. Зализняк проде-

монстрировал, что в древнерусском языке энклитик было гораздо больше и они шли строго по очереди:

же	ли	бо	ти (частица)	бы	ми 'мне', ти 'тебе', си 'себе' и т. д. (дательный падеж)	мя 'меня', тя 'тебя', ся 'себя' и т. д. (винительный падеж)	есмь, еси, есть и т. д. (глаголы- связки)
----	----	----	-----------------	----	---	--	---

Автор «Слова о полку Игореве» в точности соблюдал этот порядок: он пишет *Начати же ся тѣй пѣсни*, а мы бы сказали *Начаться же той песни* с другим расположением *ся* и *же*. Без полноценного свободного владения древнерусским языком строго соблюсти эти правила во всех случаях было бы практически невозможно.

Зализняк привлек внимание лингвистов к древнерусским энклитикам, которыми до того никто особенно не занимался – а оказалось, что это очень интересная и сложно устроенная область языка. В 2008 году он выпустил книгу «Древнерусские энклитики», в которой обобщил результаты своих изысканий.

Лингвистические задачи

Стоит упомянуть еще одну важнейшую заслугу Зализняка – не в науке, а перед наукой. Именно благодаря его гениальному педагогическому изобретению многие российские (и не только) лингвисты стали лингвистами – в том числе и автор этих строк.

В 1963 году Зализняк опубликовал небольшую статью под названием «Лингвистические задачи». Вот фрагмент из этой статьи

Задача 3 («mizë pi»)

Предназначается для лиц, незнакомых с албанским и древнееврейским языками.

Исходные данные

Дан текст из 6 фраз на незнакомом языке А (албанском) с переводом каждой фразы на незнакомый язык В (древнееврейский). Албанский текст дан в обычной орфографии. Для древнееврейского текста дана латинская транслитерация консонантической записи (т. е. записи без обозначения гласных).

Текст

Язык А		Язык В		Язык А		Язык В
1. Mizë pi.	—	yšth zbwb.		4. Mizat pinë.	—	yštw hzbwbym.
2. Miza pinin.	—	štw hzbwbym.		5. Miza pinë.	—	yštw zbwbym.
3. Mizë pinte.	—	šth zbwb.		6. Miza pi.	—	yšth hzbwb.

Задание

Перевести с языка В на язык А следующие две фразы:

1. šth hzbwb.
2. štw hzbwbym.

Казалось бы, как можно переводить с древнееврейского на албанский, ничего не зная про эти языки и даже не зная, что ты переводишь? Но идея Зализняка

ка заключалась именно в том, что это вполне реально: не надо бояться анализировать данные незнакомых языков, для этого достаточно логики (а чтобы доказать это, в статье приводились решения).

Более того, с помощью таких задач можно заинтересовать лингвистикой школьников даже в отсутствие школьного предмета «лингвистика» – и это продемонстрировала уже Первая традиционная олимпиада по языковедению и математике, которая прошла в 1965 году и действительно стала традиционной. В 2003 году появилась Международная олимпиада по лингвистике, в которой сейчас участвуют три десятка стран от Швеции до Бразилии, а российская олимпиада по лингвистике в 2018 году пройдет уже в 48-й раз – и, увы, будет посвящена памяти человека, который стоял у ее истоков, придумал для нее 26 задач и много лет активно участвовал в обсуждении и подготовке новых заданий. И даже в те годы, когда обилие других дел уже не позволяло ему ходить на регулярные заседания задачной комиссии, все сочиненные задачи полагалось «озализничивать» – показывать Зализняку перед тем, как давать школьникам.

Заключение

Список достижений Андрея Анатольевича Зализняка, которые я здесь перечислил, далек от полноты. Более того, уверен, что никакой другой лингвист с моим выбором не согласится: почему, скажем, я не рассказал подробнее об исследовании берестяных грамот, которое по праву можно назвать делом всей жизни Андрея Анатольевича? А о классической статье про типологию относительных предложений (о том, как устроены в разных языках конструкции типа *книга, которую я купил*)? А о том, что он уточнил и последовательно применил к русскому языку определение падежа, предложенное великим математиком Колмогоровым? Но именно это и показывает, насколько широк был круг его интересов – и не просто интересов, а еще и решенных им проблем.

Но закончить мне бы хотелось не на этом. Андрей Анатольевич Зализняк был не только великим ученым, но и человеком, который распространял вокруг себя радость научного познания. Он мог себе позволить написать заметку об этимологии просторечного слова на букву *ж* [ссылка: http://inslav.ru/sites/default/files/editions/2013_slavica_svetlanica.pdf] или на одном дыхании прочитать двухчасовую лекцию [ссылка: http://www.mathnet.ru/php/seminars.phtml?option_lang=rus&presentid=5109] о том, как и зачем образуются такие, казалось бы, недостойные серьезного внимания слова, как *Бутырка*, *Нобелевка* и *выпивон* – и делал это на таком же высоком научном уровне, как и все остальное, демонстрируя своим примером, что наука – это не только полезно и важно, но и увлекательно. Этой светлой радости, которая исходила от него до самого последнего дня, мы, его ученики, никогда не забудем. Спасибо Вам, Андрей Анатольевич, за все.

Александр Пиперски

<https://nplus1.ru/material/2017/12/25/andreyazaliznyak>

Казалось, он будет всегда

Памяти Андрея Анатольевича Зализняка

Вчера в возрасте 82 лет скончался великий лингвист Андрей Зализняк. По просьбе «Горького» Дмитрий Сичинава рассказывает о биографии и главных достижениях Андрея Анатольевича.

24 декабря умер Андрей Анатольевич Зализняк. Коллеги-лингвисты, друзья – историки, математики, другие – и просто все, кто знал его, слышал лекции и выступления, когда прошел первый шок, говорили одно и то же: «казалось, он будет всегда», «таких, как он, больше нет», «пустота в душе».

Уже много лет Зализняк очень ценил свое время; он целые дни проводил в кабинете, он отмахивался, когда его спрашивали про то, что будет в следующем году. Он был выдающимся исключением из разных законов природы. И мы подсознательно надеялись, что и самый неумолимый ее закон его обойдет. Но он знал, что это не так, и пытался успеть как можно больше. Не верится, что он столько успел. Представим, что один лингвист сделал полное алгоритмическое описание словоизменения русского языка, которым пользуются сейчас во всех компьютерах и мобильных устройствах. Второй описал, какие ударения были в речи наших предков. Третий доказал, что «Слово о полку Игореве» – древнее произведение. Четвертый совершил огромный прогресс в изучении берестяных грамот, открыв в их орфографии и грамматике стройную систему. Пятый выявил правила расстановки древнерусских местоимений (и шестой, и десятый...) – каждый из них был бы выдающейся фигурой в истории науки. Зализняк это все сделал один, без соавторов. И все эти достижения выдержали проверку временем, добавить к ним что-то капитальное или отменить их новые поколения уже едва ли смогут.

Чудеса продолжались, когда он выходил из кабинета. Зализняк – это прозрачная экономность решения лингвистической задачи (кстати, лингвистические задачи, олимпиады по которым устраиваются уже более 50 лет, придумал, конечно, тоже он). Он говорил, что очень ценит в одном коллеге «быстроту решения». Выдающийся педагогический дар – он заставлял почувствовать, что ученик вместе с ним решает сложные лингвистические проблемы. Он всегда находил свое, такое драгоценное время для студента, школьника, для любого, кто подошел с вопросом после лекции. На ежегодных докладах о находках берестяных грамот (в огромные аудитории набивалось, кажется, половина Москвы, а кто-то приезжал и из других городов) он выписывал на доске (никаких презентаций, только мел!) начало грамоты. Аудитория подсказывала, как будет дальше, а он предлагал сравнить варианты, и решение непостижимым образом чувствовалось само. Все это с юмором, потрясающей молодой легкостью: этой зимой он вел в МГУ семинар по акцентологии, и совершенно не чувствовалось, что ему 82 года. А ведь чтобы вывести формулы древнерусского ударения и составить словарь, он изучил тысячи средневековых рукописей (и продолжал это делать до последних месяцев, несмотря на ухудшающееся зрение). Чтобы описать палеографию берестяных грамот, он рассмотрел тысячи буковок и выстроил из них таблицы. И только немногие близкие знали, какого труда и каких нервов ему, с его удивительным артистизмом, каждый раз стоило выходить к доске и выступать публично.

В двадцать один год он поехал учиться в Париж, к последнему из великих структуралистов Андре Мартине. Удивительное время было начало оттепели: системный сбой, никто не знал, что теперь делать – и в Эколь Нормаль по обмену направили не агента и отличника боевой подготовки, а действительно лучшего студента филфака, полиглота. Дальше таких глупостей уже не делали, но эта счастливая случайность на многое повлияла. Время, проведенное в Париже, он всегда вспоминал с удовольствием – и с научной, и с житейской сторон. В его

квартире висит картина в стиле примитивизма работы одного из его друзей с подписью «Зализняк в Париже, или вечная младость». Первой его книгой стал учебный русско-французский словарь с виртуозно кратким описанием русской грамматики. Такие грамматические «конспекты» на несколько страниц станут его визитной карточкой. Проще всего о них сказать словами индийских мудрецов: «Изложить правило короче на один звук – все равно что родить сына». В поздние годы он старался каждый год побывать в городе своей «вечной младости». Как другой русский гений, Пушкин, Зализняк был душой не только русским, но, несомненно, и французом.

В тридцать два года он защищает кандидатскую по алгоритмическому описанию русского словоизменения. Этим алгоритмом пользуются все поисковики, спелчекеры, машинные переводчики – но тогда или слов таких не знали, или все это было далеким будущим. Коллеги-филологи и великий математик Колмогоров добились, чтобы ему за эту работу сразу была присуждена докторская степень.

А затем Зализняк создает полный грамматический словарь русского языка, где описано, как и с каким ударением изменяется каждое русское слово. Никаких персональных компьютеров все еще нет, словарь пишется на карточках, а карточки хранятся в длинных ящиках, взятых из булочной.

В семидесятые он много преподает в МГУ, на отделении структурной и прикладной лингвистики он был главной звездой. Студенты читали с ним сразу неадаптированные тексты на арабском или санскрите, вооружившись теми самыми «конспектами». И они узнавали попутно множество увлекательных вещей – из истории языка, из области типологии, индийской или арабской религии и истории. Вел он и старославянский, и собственно историю языка (в это время он начинает заниматься акцентологией), и другие дисциплины. И вдруг все оборвалось. В начале восьмидесятых кафедру (не без политических причин) закрыли, и Зализняк остался без преподавания. А еще раньше пытались помешать выходу его словаря. Случай вновь повернул его судьбу: он, уже давно серьезно интересовавшийся древнерусским языком, увлекся анализом берестяных грамот, стал вместе с историком В. Л. Яниным заниматься новыми находками, и уже в 1986 году вышел том, поменявший представления о берестяных грамотах, которые раньше часто считались вышедшими из-под руки необученных или вовсе нерусских писцов. Тогда же начались и знаменитые ежегодные «берестяные» лекции Андрея Анатольевича в МГУ.

На рубеже веков он стал и академиком, и лауреатом многих премий, но награды значили для него не больше, чем для его друзей пятидесятых годов (круг их редел, но они продолжали собираться вместе и называть знаменитого ученого по-школьному – Залей). Его волновал поиск истины, и отвращало агрессивное отрицание науки, распространившееся в современной России. Но кроме критики лженаучных теорий и вульгарных подделок, он занимался и конструктивной философией науки – например, показал, что текст обладает бесконечным количеством свойств, и в древнем источнике открываются все новые и новые свойства. Так он доказал подлинность «Слова о полку Игореве», но огорчился, когда этот результат называли патриотическим. (Возрождение дискурса конца сороковых – «патриотическое – значит истинное» – тогда только начинало набирать силу). Он много занимался просветительством, читал популярные лекции, в том числе

для школьников на летней школе в Дубне. Хорошо, что есть видеозаписи этих выступлений.

Но память выхватывает иные, живые кадры, которые не столько видишь, сколько предвкушаешь... Зализняк смеется на базе новгородской экспедиции над песней и хлопает себя по колену... Зализняк приглашающим жестом просит слушателя повторить погромче правильный ответ на вопрос... Толпа людей всех возрастов набивается в любую аудиторию на любой объявленный доклад Зализняка – ведь это не может быть скучно... Зализняк входит в аудиторию, где студенты будут разбирать у доски индийские Веда или русскую Космографию, улыбается и кладет на стол портфельчик... Новые статьи, книги...

Нельзя поверить, что нам, современникам Зализняка, жить дальше, а этого счастья уже не будет.

<https://gorky.media/context/kazalos-on-budet-vsegda/>

Скончался Андрей Анатольевич Зализняк

Скончался Андрей Анатольевич Зализняк (29 апреля 1935 – 24 декабря 2017). Лингвист, сумевший стать для профессионалов эталоном в том, что касается научной добросовестности, тщательности и детальности анализа и, это особенно бросалось в глаза, четкости, ясности и краткости изложения.

Зализняк принадлежал к нечастому типу ученого, эволюционирующего от широкого круга интересов к узкой теме. Начинал, с одной стороны, как структуралист (хотя ему самому этот ярлык был чужд), с другой – как компаративист-индоевропеист. В 1960-е тесно общался с московским ностратическим кружком (известное «праностратическое» четверостишие было помещено на надгробии В. М. Иллич-Свитыча по предложению Зализняка). В последние же десятилетия сосредоточил свои усилия на изучении корпуса древненовгородских берестяных грамот. Можно сказать, что научный путь Зализняка шел от эпохального грамматического словаря русского языка (позднее легшего в основу компьютерных лингвистических пакетов), от исторического анализа индоиранских и германских языков, от, наконец, разработки теоретического аппарата лингвистики до акцентологической реконструкции древнерусского и далее до дешифровки отдельных букв на обрывках бересты. Как и у остальных ученых данного типа, такое постепенное сужение было связано у Зализняка с потребностью «выжать до суха» любую тему, которой он касался. Почти всегда ему это блистательно удавалось, и, действительно, последователям Зализняка обычно мало что оставалось доделать в тех или иных научных задачах.

Нет смысла перечислять регалии Зализняка, об этом проще прочитать на странице Института славяноведения РАН, в котором академик РАН А. А. Зализняк в течение многих лет работал на достаточно скромной должности главного научного сотрудника, или в «Википедии». На сайте Инслава выложены в открытый доступ и основные монографии Зализняка, в частности, интересные для общего читателя «Из заметок о любительской лингвистике» (М., 2010) и «“Слово о полку Игореве”: взгляд лингвиста» (М., 2008).

Важной чертой Зализняка было нежелание поступаться принципами и попадать в какие-либо личностные конфликты. Этим была обусловлена определенная оторванность Зализняка от жизни московского научного сообщества. Зализняк не занимал постов, фактически не имел аспирантов и учеников, не выступал свадебным генералом на конференциях или в редколлегиях журналов.

Был избран в Академию не потому, что работал локтями или шел по головам, а как представитель крупных ученых, которые своими именами обеспечивают авторитет и научный вес РАН. Возможно, в каких-то ситуациях такая щепетильность Зализняка казалась даже чрезмерной и нерациональной для развития науки. Но он принципиально отказывался выступать в роли управляющего, отказывался от социальных задач, сознательно ограничив свое общественное служение просвещением.

Андрей Анатольевич Зализняк по праву занял свое место среди крупнейших филологов России XX века. Вечная память.

Алексей Касьян (Институт языкознания РАН), Анна Поливанова (РГГУ)
<http://trv-science.ru/2017/12/25/skonchalsya-andrej-anatolevich-zaliznyak/>

Я никогда не видела его в Институте нерадостным

Ирина Седакова

24 декабря скончался академик Андрей Анатольевич Зализняк. Его вспоминает Ирина Седакова, Заведующая отделом типологии и сравнительного языкознания Институт славяноведения РАН.

Как и многим другим, мне всё еще не верится, что Андрея Анатольевича Зализняка нет. Просто не верится, не хочется верить. К смерти родных, друзей, коллег, да и совершенно чужих людей, которых знаешь только по фамилии, никогда не бываешь готов. Даже если они долго и тяжело болели. Что уж говорить, если ты только что слушал выступление человека, такое живое, такое блестящее и вместе с тем такое вдохновляющее... Меня вообще всегда удивлял контраст между, казалось бы, отрешенностью Андрея Анатольевича на обязательных заседаниях Отдела и необычайным оживлением и открытостью во время его лекций. Он не любил официоза, юбилеев, но всегда приходил на важнейшие организационные заседания отдела, когда были выборы или выдвижение в член-корреспонденты.

Меньше двух недель назад в Институте славяноведения, где Андрей Анатольевич работал с 1960 года, состоялся его ежегодный доклад о новых находках в Новгороде. Это была одна из лучших его лекций о берестяных грамотах, которые мне доводилось слушать. Возможно, благодаря тому, что раскопки 2017 года оказались особенно удачными, возможно, благодаря тому, что найденные грамоты очень хорошо вписываются в тот общий новгородский текст, который постепенно сложился за несколько десятилетий поисков и расшифровок. Андрей Анатольевич с особой веселой радостью – я вообще никогда не видела его в Институте нерадостным – реконструировал не только слова и предложения, но и все сюжетные линии, все имена, социальные статусы и прочее.

Эта лекция, как и предыдущие, порождала диалог или даже полилог – вся аудитория вместе с выступающим шла к правильному прочтению, не пугаясь ошибочных версий и неудачных вариантов. Многие отмечают, что Андрей Анатольевич объяснял сложнейшие вещи удивительно простым языком, а из мельчайшей детали выстраивал стройные конструкции. В последней лекции он продемонстрировал это, анализируя пропуск Л в слове *полтина*. Из корпуса всех грамот к этому примеру было добавлено несколько похожих, показавших, что это не описка, не орфографическая ошибка, а отражение фонетического закона. Подобные явления фиксируются не только в русском, но и в сербском, и далее –

в германских языках. Безусловно, такое видение – это дар гения. Но у Зализняка был и еще один дар – дар гениального рассказчика.

В лекциях всегда были почти “детективные элементы”, саспенс и шутки. Каждое его выступление было событием, праздником великой науки.

Сейчас вспоминаются эпохальные монографии Андрея Анатольевича Зализняка, его знаковые речи при получении наград. Не менее важными являются и его небольшие публикации – например, первые работы по семиотике, с которыми он выступал на московских и тартуских симпозиумах по знаковым системам в 1960-е годы. И вообще образ великого ученого складывается из многообразия фактов его биографии, научной и педагогической активности. Известно, что Андрей Анатольевич регулярно выступал в школе «Муми-тролль», и ученики этой школы многие годы принимают участие в новгородских раскопках. Я уверена, что таких штрихов к его жизни можно вспомнить немало.

Андрей Зализняк очень поддерживал коллег, восхищался ими, всегда рассказывал об их идеях и гипотезах. Это относится прежде всего к А. А. Гиппиусу.

Перед последней лекцией я спросила Андрея Анатольевича, видел ли он протокол [ссылка: <http://urokiistorii.ru/article/54238>] заседания Ученого совета филологического факультета МГУ, решением которого Вячеслав Всеволодович Иванов был отстранен от преподавания. Зализняк очень оживился, сказал, что прекрасно помнит эти заседания (их было несколько) и, посмеиваясь, описал в подробностях, как и его отстранили вслед за Вячеславом Всеволодовичем. Мы почти договорились, что Андрей Анатольевич расскажет об этом на одном из заседаний Отдела типологии и сравнительного языкознания в цикле лекций об истории «сектора структуралистов» и вообще лингвистики, который начнется в январе 2018 года. Андрей Анатольевич тут же сказал, что надо пригласить выступить с воспоминаниями Елену Викторовну Падучеву (его жену), упомянул А. А. Кибрика как прекрасного знатока истории науки...

Как хорошо, что осталось немало записей лекций и выступлений А. А. Зализняка.

Как грустно, что больше мы ничего не сможем записать.

Вечная и благодарная память Андрею Анатольевичу.

Записала Оксана Головка

<http://www.pravmir.ru/ya-nikogda-ne-videla-ego-v-institute-neradostnyim/>

акад. А. А. Зализняк

«Незнание можно сымитировать, а знание скрыть невозможно.»

А. А. Зализняк

Ниже приведены слегка исправленные тексты, написанные после смерти ААЗ в фейсбуке на моей странице, кросспостинг на вконтакте.

Вместо некролога

Когда умер Есин, я проверил, жив ли Зализняк. На последнее письмо от 6 ноября я так и не ответил – письмо длинное, и каждое слово, как обычно, отчеканенное. Я обдумывал формулировки ответа, но чересчур долго. Когда Зализняк согласился быть моим научным руководителем, я ведь тоже тогда затянул, и вместо года (как он просил) защита состоялась только через восемь лет.

Я планировал издать его «Очерк грамматики санскрита» и среди прочего вел переписку насчет указателя к нему. Теперь уже посмертное издание. ААЗ писал: «Мой очерк стоит вовсе не в ряду с Уитни или Рену, а в одном ряду с за-

мечательной 90-страничной книжечкой Майрхофера. И в этом ряду он достаточно хорош. А при претензии на вхождение в один ряд с Уитни и Рену он немедленно становится убогим.»

Я неспешно подбирал фотографию, с которой закажу гравюру, и подумал – буду проездом в Москве и сделаю новую при случае, ведь 120 лет – это самое малое, что может прожить ААЗ. Месяц назад под руку попали его правки к моему переводу Наля красной ручкой, и я снова вспомнил занятия с Андреем Анатольевичем, разные аудитории в МГУ, где проходили занятия древнеперсидским, санскритом, арабским и древнерусской акцентологией. Если я хоть что-то смыслю в языкознании, то исключительно благодаря ему. Мы встретились в 2004 г., и с тех пор я заразился санскритом и заболел лингвистикой, хотя до этого уже занимался санскритом с Н. П. Лихушиной.

Я узнал, что такое гениальность в языкознании. Я познакомился с разными академиками, но они были лишь умны, а искра таланта, разведенная (нельзя так сказать – искра разросшаяся тогда уж) в лесной пожар гениальности была только у него. Где-то рядом Иванов, Топоров и, в более узком смысле, Елизаренкова и Майрхофер. Никого уж нет.

Он дал метод. Он учил строгости. Он посмеивался, когда я говорил, что хочу издать книгу по санскриту без опечаток, поймав его в очередной раз, в субботу утром перед занятием в коридоре гумкорпуса. Он был вторым человеком после Скворцова, который живо заинтересовался моим «Обратным словарем санскрита». Словарь построен по образцу словаря ААЗ, и был только один человек на свете, который мог оценить его по достоинству. Зрение ААЗ падало, он уже не смог прочесть все, но ясность, ясность его не покидала – ничего сенильного в нем не было. По крайней мере я не смог обнаружить.

Сегодня утром, после очередных занятий по его «Конспекту» у меня возник вопрос по аббревиатурам и я, наконец, созрел написать ответ и заодно задать вопрос, на который я так и не смог сам ответить. Полчаса назад я поставил фоном Leonard Cohen и пошел в подвал травить мышку. Раздался телефонный звонок. Разве не достаточно ушло близких за один лишь конец этого года? Пепел, вместо меня – горстка пепла. Супруга оберегала его от внешнего мира, но не смогла. С внучкой на руках и в своем тесном кабинете-библиотеке – так я его запомню. Царство небесное.

Спасибо тебе, что дал поверить в себя.

Легенда лингвистики

На мой вопрос: «Планируете ли возобновить санскрит?» ААЗ невозмутимо отвечает: «В ближайшей перспективе. Пока что я буду продолжать занятия по акцентологии.» А сам при этом на занятиях читал текст 500летней давности об Индии, обманщик!

Отрезки времени, которые я проводил в Москве, я делил на три части. Я пытался захватить как можно больше вторников, четвергов и суббот. Вторник – день творческих семинаров в Литинституте. Еще одна возможность поприсутствовать на семинарах Есина, Рейна, Сефа и Волгина. Четверг – присутственный день в ИЯз РАНе, следовательно, можно уладить бюрократическую загвоздку (загвоздку нельзя уладить... не звучит...) или попасть на очередные чтения или на Ученый совет. Суббота, а точнее первая половина субботы – это, конечно же, спецкурсы Зализняка.

Легендарный Зализняк. Для меня на тот момент он – отлитый в бронзе памятник или забальзамированная мумия лингвистики (я даже не был уверен, жив ли он) и тут, вдруг, оказывается, что в соседнем со мной доме он возобновил чтение курса, да не простого курса, а санскрита. Он учит лингвистической интуиции и как понять, что именно ты не понимаешь. Ответ это чересчур скучно, пожалуй, интереснее понять, что же именно ты-таки не понял и пуститься на поиски, погружаясь в медленное прочтение космографических гимнов Ригведы. Ученик мэтра Рену, Зализняк как структуралист дал мне метод, мерило строгости и трепетное чувство осторожности в вопросах этимологии.

Казалось бы, русское «вякать» и санскритское «vac» однокорневые, но, неоднократно возвращаясь в течение нескольких лет к предлагаемому из аудитории родству, не освещал своим авторитетом. (ощущение, что какая-то мысль пропущена...) А в другой раз, приводя как пример опасную схожесть (при отсутствии какого-либо подлинного родства), сравнивал английское «mad» и «mad» санскритское. Внешнее «совпадение» семантики и формы, ан нет – не могло такого быть, диахрония английского языка не дала бы. (лучше не позволила бы). В те годы выходили книги, в которых люди записывали сны на санскрите и выдавали это за истинное откровение. И был Зализняк и его сияющая макушка – как маяк в безбрежном океане языков. Его супруга рассказывала, как она познакомилась с ним в пионерском лагере, где застала его за чтением французского словаря. Спустя еще несколько лет он составит «Краткий русско-французский учебный словарь».

Бетонная грамота

Сегодня забетонировали плиту под курятник (фундамент?). Кот, рыжий как прядь ван Гога в Эрмитаже, повернулся ко мне (потому что потянуться к кому-то нельзя, потянуться можно просто так или за чем-то... или повернулся ко мне или потянулся) и прошел по свежему бетону. И у меня пробежала мысль – если он, будучи легким, оставляет столь глубокие следы, то насколько же более тесно переплетен мир вокруг, и ничего не бывает просто так. (в том, как написано сейчас, не видно связи между котом, глубокими следами и переплетением мира.... это надо переписать) Кот умрет – а следы запомнят его. Умру я – а бетонная плита будет только крепнуть.

Утром в станице шел снег, а к вечеру поднялся ветер и надул (может быть, принес) дождь.

Я спрашивал себя время от времени – кто же будет вестником смерти, кто поведает мне о кончине А.А.? Раздался телефонный звонок. Я возился по двору (по хозяйству или во дворе), спустился в погреб, наводил веником порядок, переставлял коробки, и вдруг в сторону побежала мышка. В городской квартире супруга приболела и я уехал в станицу, толком не имея времени собрать вещи после недели в Ленинграде. Взял и поехал.

На компе нет мышки (не успел купить, старая пропала), неудобно печатать, а в погребе есть – пока я ее травил, умер Зализняк. Сел писать, а неудобно, стул не мой, локти упираются. Когда удобно – не пишется. А насчет мышей – это еще и переключка с Есиным. Выступая на моей защите, он сослался на упоминание бренности санскритских рукописей и их подверженности насекомым и грызунам, о которой шла речь у выступающего ранее.

«Летом в Новгороде у меня не было доступа к почте. Теперь я вернулся. Отвечаю на вопросы.» – подобными словами обычно начинались письма в нача-

ле учебного года. Он (кто он? ААЗ? но ранее только про Есина было) заново открывал величие Руси посредством извлеченной из глины березовой коры, которая пролежала в земле тысячу лет. Пришла осень, и теперь он может ответить современному Опанасу. Глина пережила шумеров на два тысячелетия. Зализняк обучал меня клинописи. Переживет ли наша с ним переписка хоть полвека? (проживет? или переживет вас? что подразумевалось?) Я не знаю, не уверен. Магнитные носители и облачные хранилища не внушают доверия. Но жечь сердца людей я все же могу.

Бетон раскрошится, но береста-то сохранится. (ранее была написано, что бетонная плита будет крепнуть, поэтому лучше добавить если бетон раскрошится, то береста сохранится...)

Написание Офонаса тверитина купца

Вчера у Зализняка студенты должны были сдавать зачет по спецкурсу “История русского ударения” в МГУ. На прошлой неделе, в субботу, те, кто выступал в течение семестра у доски, получали зачеты автоматом. Дочитаны отрывки из «Космографии» Мартина Бельского. Зализняк раздает три разворота поздней акцентированной рукописи XVIII в. Слушатели спецкурса должны разгадать, что это за произведение. Перед нами «Хождение за три моря», почти самое начало путевых заметок:

«Кони же кормят нофутом, да варят кичирис с сахаром, да кормят кони, да с маслом, порану же дают им шешни. В Ындейской же земли кони у них не родят, въ их земле родятся волы да буйволы, на тех же ездят и товар, иное возят, все делают.

Чюнерей же град есть на острове на каменом, не сделан ничем, Богом сотворен. А ходят на гору день по одному человеку: дорога тесна, а двема пойти нелзе.

В Ындейской земли гости ся ставят по подворьем, а ести варят на гости господарыни, и постелю стелют на гости господарыни, и спят с гостми. Сикиш илиресен ду шитель бересин, сикиш илимесь ек житель берсен, достур аврат чектур, а сикиш муфут; а любят белых людей.

Зиме же у них ходит люди фота на гузне, а другая по плечем, а третья на голове; а князи и бояре толды на себя въздевают порткы, да сорочицу, да кафтан, да фота по плечем, да другою опояшет, а третьего голову увертит. А се Оло, Оло абрь, Оло ак, Олло керем, Олло рагим!»

То есть снова Ындия.

Зализняк уезжает в Тарусу подлечить сердце в санатории и вдруг... Князь Олег умер от укуса змеи. Академик Зализняк умер от израненного сердца. Внешне он был полон сил, но силы покидали его. Через призму древнерусской литературы Андрей Анатольевич Зализняк все равно возвращался к Индустану, хотя временно не вел спецкурс по санскриту.

Русисты потеряли звезду. Санскритологи обрели созвездие. Да станет Зализняк нашей путеводной звездой!

Столетие сочельника

В один из тех разов, когда я бывал дома у А. А. на улице Алабяна, я взялся пристально изучать корешки книг в кабинете. Тесная, узкая комната в сталинском доме с высокими потолками и широченным подоконником. Вид на высокое дерево напротив. Судя по потрепанным корешкам книг он прочитал больше книг о литовском языке, чем я книг на латышском – а ведь это далеко не вся библио-

тека. К тому времени в поисках чистого экземпляра Учебника Кнауэра я обрыскал добрую половину московских библиотек. В деревню Симоново, под Тверью, мне из Ленинки присылают экземпляр из фондов библиотеки, но и он, ожидаемо, потрепан. Спустя годы такой же степени потрепанности учебник я увижу в книгах Елизаренковой. Решительно нигде нет оригинала хотя бы хорошем качестве.

И, вдруг, на стеллаже справа от окна, между томиком Рену и Панини мне попадает книга, на которую я устроил настоящую облаву. (за которой я устроил настоящую охоту.) Пальцем я пытаюсь выковырять ее из тисков и, легче (лучше написать быстрее) чем ожидалось, она перед мною (лучше написать она в моих руках, потому что перед вами она была и в тот момент, когда вы ее увидели...). Лишь открыв, я понимаю, насколько мне повезло. Книга как с печатного станка. Почему «как»? Она даже не разрезана. Спустя почти сто лет, шло лето 2006 г. Заходит А. А. и разрешает взять ее домой для сканирования – а ведь тогда я был студентом и не издал ровным счетом ничего, и я бы сам себе не доверил подобное сокровище. Кухонным ножом я разрезаю девственно чистые, слегка пожелтевшие от времени, но совершенно чистые страницы. (чистые, но пожелтевшие – нельзя сказать, можно искать другие слова – потускневшие, поблекшие....)

Так на свет появились два переиздания Кнауэра под моим присмотром.

Кнауэр умер на за два дня до сочельника в 1917 г. Зализняк умер в сочельник 2017 г. Подобно смертельно раненому воину Бхишме, он ждал начала движения солнца на север. Бхишма в Махабхарате силой воли продлевал свою жизнь, задерживая свой уход до начала светлой половины года, и не разрешал вынимать стрелы из своего тела, чтобы не вызвать смерть кровотечением. Зализняк, дождавшись солнцеворота, покинул нас, земную жизнь пройдя на две трети от отпущенного богами, сочтя, что достаточно. Что же – ему виднее, ибо он – гений. Аватар Панини.

к.ф.н. М. Ю. Гасунс, 29.12.2017

<http://samskrtam.ru/zaliznyak/>

Памяти Андрея Анатольевича Зализняка

Автор: Евгений Пчелов

Конец 2005 года ознаменовался страшными потерями для отечественной, да и мировой гуманитарной науки. Тогда один за другим ушли из жизни великие учёные Михаил Леонович Гаспаров, Владимир Николаевич Топоров и Елеазар Моисеевич Мелетинский, имя каждого из которых составляло целую эпоху в науке и культуре и было знакомо любому образованному человеку.

Конец 2017-го оказался не менее страшным. Совсем недавно скончался ещё один Гений – Вячеслав Всеволодович Иванов, человек поистине космического масштаба, который, казалось, вместил в себя научную мысль и культуру всего мира. И вот сейчас мы стали свидетелями новой совершенно невозполнимой потери – потери ещё одного нашего великого современника, гениального учёного, всемирно известного Андрея Анатольевича Зализняка, который, кстати, был одним из ближайших учеников Вячеслава Всеволодовича... Очень больно и горько писать о Зализняке в прошедшем времени. Как и многие Великие, он казался константой нашей жизни, и буквально для каждого думающего и чувствующего интеллигента это, не сомневаюсь, глубоко личная потеря. Масштаб Зализняка

огромен. Он сделал для науки чрезвычайно много, его лингвистические исследования, книги и словари давно стали классикой. В одном из некрологов он назван «человеком, переоткрывшим русский язык», и это не преувеличение. Его «Грамматический словарь русского языка» вошёл в золотой фонд мировой науки. А множество конкретных научных наблюдений, исследований и выводов стали органичной частью современной лингвистики.

Для нас же, историков, имя Андрея Анатольевича не менее значимо. Два великих научных свершения особенно выделяются в этом плане в его научном наследии. Это книга «Древненовгородский диалект», которая представляет собой научную реконструкцию важнейшей «части» древнерусского языка, основанную на комплексном анализе письменных источников, прежде всего берестяных грамот. На протяжении многих лет Андрей Анатольевич был одним из руководителей Новгородской археологической экспедиции, отвечавшим за её лингвистическую составляющую, и каждый год в одной из аудиторий МГУ осенью представлял на своих открытых лекциях сделанные находки. Лекции эти (к счастью, есть их видеозаписи, которые все историки Древней Руси, источниковеды, уверен, и лингвисты в обязательном порядке рекомендуют своим студентам) пользовались бешеной популярностью. Аудитория не вмещала всех желающих, люди буквально забирались на окна, забивали проходы и коридор – и такого счастья давно, наверно, не помнили легендарные стены МГУ. Теперь не так легко собрать на научный доклад такую аудиторию. Зализняк умел.

Он являлся великолепным, неподражаемым популяризатором, говорившим и размышлявшим вместе с аудиторией, но всегда остававшимся при этом в строго научных рамках. Это было настоящее чудо рождения вот тут, прямо в аудитории, нового научного знания. Все, кто слушал Зализняка, никогда не забудут его выступлений. А он, казалось, слышал живые голоса людей Древней Руси и давал нам возможность услышать их. Зализняк не просто переоткрыл русский язык, он заставил звучать древнерусский, язык средневековых новгородцев, сделал его более понятным и близким нашим современникам.

Второе великое свершение – это, конечно, книга о «Слове о полку Игореве». Как известно, вокруг этого памятника десятилетиями шли жаркие и зачастую трагические дискуссии. Зализняк принципиально по-новому подошёл к решению вопроса о его подлинности. Этот подход, с одной стороны, казался простым, как всё гениальное, а с другой, потребовал абсолютно виртуозного владения методами историко-лингвистического анализа. Все спорившие ранее опирались на те или иные слова, фразы или части текста. Зализняк подверг сплошному анализу весь текст с точки зрения лингвистики и доказал, что возможность поздней фальсификации «Слова...» «исчезающе мала». Именно на этой формулировке он настаивал, когда говорили, что он доказал подлинность «Слова...» (как, например, сказал он это на вручении ему Государственной премии). В этом вновь проявилась его кристальная корректность как учёного, строящего свои выводы на строгом, доказательном и абсолютно логически выверенном фундаменте. Книга о «Слове...» (а она переиздавалась с дополнениями и ответами на новые возражения несколько раз) – образец настоящей научной тщательности, объективности и исследовательской безупречности.

Андрей Анатольевич, будучи удивительно скромным, доброжелательным и в высшей степени интеллигентным человеком, тем не менее много сил отдавал защите науки от всякого рода псевдонаучного мракобесия и популяризации на-

стоящего научного знания. Его блестящие лекции и труды по поводу «любительской лингвистики» или пресловутой «Велесовой книги» камня на камне не оставляли от паранаучной ерунды, которой сейчас забиваются головы многих наших соотечественников. В этом отношении он был защитником Науки и борцом за неё. А делал он это ещё и потому, что был убеждён в главном: Истина существует! Именно об этом он сказал в своей речи на присуждении премии имени Солженицына. Этому завету он следовал всю свою жизнь. И грани Истины он приоткрыл и всем нам...

Евгений Пчелов, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой вспомогательных и специальных исторических дисциплин факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ

https://историк.рф/special_posts/памяти-андрея-анатольевича-зализняк/

In memoriam. Андрей Анатольевич Зализняк (1935–2017)

Человек смертен. Человек, как нам всем известно из литературной классики, внезапно смертен, тем более если он уже в годах. И всё-таки есть люди, весть о кончине которых ошеломляет, вызывает ощущение неправдоподобия – нет, не может быть, это невозможно, интуиция отказывается в это поверить. Именно такое чувство вызвало облетевшее Интернет 24 декабря сообщение о том, что А.А. Зализняка больше с нами нет. Читателям нашего журнала вряд ли требуется пояснять масштаб его личности и научных заслуг. Однако Зализняк был известен не только медиевистам и специалистам по истории русского языка. Он представлял собой фигуру уникальную в российской науке, совмещая в себе учёного мирового значения и популяризатора, не чуравшегося выступать перед широкой аудиторией и даже перед детьми. Его публичные лекции много лет пользовались огромной популярностью и набирают десятки тысяч просмотров на Youtube. Всеобщую известность получила его книга «Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста», выдержавшая три издания (2004, 2007, 2008). Андрей Анатольевич почувствовал опасность моды на научный релятивизм за много лет до того, как его возьмут на вооружение чиновники от науки, и последовательно выступал в защиту научной строгости метода в ту пору, когда от релятивистских веяний было принято снисходительно отмахиваться. Специалистам Зализняк известен, конечно же, как автор «Грамматического словаря русского языка» (1977) и серии трудов по истории русского ударения, начатой ещё в 1985 г. книгой «От праславянской акцентуации к русской». Но что известно безусловно всем, это его заслуги в области описания древненовгородского диалекта, которым Зализняк занимался более тридцати лет. Фактически ему принадлежит честь открытия этого неизвестного ранее пласта истории восточнославянских языков, о котором веками не подозревали исследователи древнерусской письменности. Значение личности Зализняка как исследователя древненовгородского диалекта и текстов берестяных грамот было тоже уникально. Второго такого специалиста в науке нет. И здесь можно без всякой ритуальной формульности сказать, что российская – да и мировая – лингвистика понесла действительно невозвратимую утрату. Андрей Анатольевич задал при жизни столь высокую планку научных стандартов, что его смерть повергает в растерянность: как же дальше? Но хочется надеяться, что его дело будет продолжено.

М. В. Елифёрова, главный редактор

<http://vallajournal.com/journal/index.php/valla/article/view/146/157>

Памяти Андрея Зализняка

Колонка научного редактора портала Indicator.Ru

Вчера ушел из жизни академик Андрей Анатольевич Зализняк. Научный редактор портала, много занимающийся тематикой Древней Руси, написал колонку памяти выдающегося ученого и популяризатора науки.

К 82-летию академика Андрея Зализняка Indicator.Ru написал о нем материал в рубрику «История науки» под названием «Живое воплощение лингвистики». Увы, с минувшего воскресенья Андрей Анатольевич для нас – история науки.

О нем написано и сказано уже очень и очень много, особенно в последние сутки. В соцсетях и в СМИ, в выпусках новостей и в заявлении губернатора Новгородской области... И почти везде слышится личное, человеческое. Слово «утрата». Археологи и причастные к новгородским древностям просто пишут: «Мы осиротели». И это правда. Я и сам могу присоединиться к этим словам, хотя лично пересекался (здесь слово употреблено точно) с Зализняком буквально пару раз в Великом Новгороде.

Несмотря на свой более чем почтенный возраст, Зализняк никогда не пропускал полевые сезоны и читал найденные берестяные грамоты прямо в Новгороде. И, конечно, каждый сентябрь мы ждали лекций ученого в МГУ, где он рассказывал о том, что же писали в своих «берестяных смс-ках» простые (и не очень простые) новгородцы друг другу. Разгадка смысла каждой берестяной грамоты превращалась в настоящий лингвистический детектив (а потом часто становилась задачей для юных лингвистов на олимпиадах).

Даже если бы Зализняк оставил после себя только одну монографию, описывающую открытый им диалект, на котором говорили простые новгородцы и который значительно отличался от того языка, на котором говорили, например, в Киеве Владимира Великого, то и это уже сделало бы его выдающимся ученым. Дело в том, что здесь был и изящно обоснованный результат, и огромный объем работы, который порой не заметен стороннему человеку. Ведь изданная в 1995 году монография опиралась на почти тысячу найденных, изученных, расшифрованных и опубликованных Зализняком берестяных грамот, привлечение других источников: граффити, официальных подлинных документов, летописей, записей на полях книг...

Однако нужно понимать, что Зализняк – это не только Древняя Русь и берестяные грамоты. Вышедшая ровно полвека назад первая монография 32-летнего лингвиста, молодого доктора наук (докторскую степень он получил в 30 лет при защите кандидатской) «Русское именное словоизменение» стала шедевром лингвистической мысли. За ней последовало практическое применение выработанных Зализняком теоретических принципов – «Грамматический словарь русского языка», в котором для каждого из ста тысяч слов указана точная модель словоизменения. Когда мы сейчас переводим машинным переводом какой-либо текст или ищем что-то в поисковике, мы все опираемся на работу, сделанную Зализняком.

«Доказательная база» в трудах Зализняка ясно иллюстрирует его же цитату в статье «Лингвистика по А.Т. Фоменко», опубликованной в сборнике «История и Антиистория», посвященном критике «Новой хронологии». В статье Зализняк сначала терпеливо объясняет суть гуманитарных наук и то, почему математик-геометр Фоменко нужно критиковать с позиции гуманитарных наук, раз он уже

в них вторгается. И есть в этой статье такая фраза: «У гуманитария же вообще нет возможности что-либо доказать в абсолютном смысле этого слова. Если слово "доказать" и применяется иногда в гуманитарных науках, то лишь в несколько ином, более слабом смысле, чем в математике. Практически имеется в виду, что предложенная гипотеза, во-первых, полностью согласуется со всей совокупностью уже известных фактов, имеющих отношение к рассматриваемой проблеме, во-вторых, является почему-либо безусловно предпочтительной из всех прочих мыслимых гипотез, удовлетворяющих первому условию. *Все это не значит, однако, что утверждения гуманитарных наук вообще не могут претендовать ни на какую надежность и что в этой области любая другая гипотеза не хуже и не лучше, чем любая другая. В гуманитарных науках, так же, как, например, в естествознании, долгим опытом выработаны критерии, позволяющие оценивать степень обоснованности того или иного утверждения даже при условии невозможности доказательства в абсолютном смысле (курсив мой – А.П.)*».

Это очень важные слова, потому что утрата, которую мы понесли, оказалась гораздо тяжелее, чем можно было себе представить, ведь А.А., как его все называли «за глаза» в переписке, был не только великим ученым, но и великим популяризатором – и не только Древней Руси, но и самого метода гуманитарного знания. И жаль, что те, кто растащил по Интернету его фразу «Истина существует, и целью науки является ее поиск», забывают две вещи. Во-первых, Андрей Анатольевич всегда очень точно употреблял слова, и, говоря о поиске истины, он не говорил об окончательном обладании. А во-вторых, далеко не везде цитируется продолжение фразы: «В любом обсуждаемом вопросе профессионал (если он действительно профессионал, а не просто носитель казенных титулов) в нормальном случае более прав, чем дилетант».

Андрей Анатольевич, нам уже не хватает Вас...

<https://indicator.ru/article/2017/12/25/pamyati-andreya-zaliznyaka/>

Не бойтесь сказать «истина»

Борис Штерн

«Те, кто осознаёт ценность истины и разлагающую силу дилетантства и шарлатанства и пытается этой силе сопротивляться, будут и дальше оказываться в трудном положении плывущих против течения...»

Очень часто мы вспоминаем важные высказывания замечательных людей после их смерти. Конечно, лучше бы почаще вспоминали при жизни, но так уж мы устроены.

Когда умер Андрей Зализняк, социальные сети облетела его цитата насчет истины. Повторю еще раз: «Истина существует, и цель науки – ее поиск» (на врезке дана более полная цитата). Это сказано в 2007 году при вручении Литературной премии Александра Солженицына (речь ученого мы публикуем в данном номере газеты). В выступлении Зализняка есть и другие важные тезисы, но именно этот вызвал наибольший энтузиазм. В конце декабря в своей ленте в «Фейсбуке» я видел не менее десяти его независимых цитирований.

Казалось бы, это высказывание академика – азбучная истина (простите за тавтологию). Однако иногда азбучные истины очень полезно повторять: они забываются, точнее, тонут в словесном мусоре. Человек, живущий в потоке демагогии и мракобесия, льющегося из всех утюгов, зачастую перестает верить вообще во что-либо, в том числе и самому себе: «Это я свихнулся – или окружаю-

щий мир?» И когда он слышит четкое высказывание уважаемого академика, вроде того что «да, эта азбучная истина верна, и на том стою», появляется твердая почва под ногами.

Мне кажется, что сейчас высказывание Андрея Зализняка про истину и про доверие профессионалам актуальней, чем в 2007 году. С тех пор маразм окреп. Одни люди вообще потеряли какие-либо ориентиры, зато другие лишь сильнее соскучились по настоящим словам и базовым понятиям, «вышедшим из моды», замеченным словесной пургой. Именно поэтому тезисы Андрея Зализняка из выступления десятилетней давности дали сейчас такой резонанс. Само понятие «истина» – что научная, что житейская – неудобно очень многим. Возьмем государственную пропаганду, возьмем оголтелых патриотов. Возьмем казус Мединского. Да ладно с этими, порой и мои единомышленники, замечательные люди, начинают стесняться настоящих слов и предлагают использовать вместо «истина», например, конструкции типа «эффективная объяснительная модель», что я бы определил как некие словесные ужимки в попытках следовать философским поветриям.

Да, есть философские течения, где понятие «научная истина» не в чести. Да и сама наука, и ее представители, было дело, обвинялись в присвоении монополии на истину. Это напоминает борьбу за место под солнцем.

Что есть истина?

Конечно, в данном контексте никто не говорит о некоем абсолюте, да еще с религиозным оттенком. Истина, что житейская, что научная, принимает конкретное выражение, она может быть неполной, ограниченной некими рамками. Но от этого она не перестает быть истиной. Вместо того чтобы вязнуть в тяжеловесных определениях, лучше дать несколько примеров.

Далеко ходить не будем, вот ближайшие примеры научной истины:

- **Аутентичность «Слова о полку Игореве» – истина.** Это как раз то, над чем работал Андрей Зализняк, – область от меня катастрофически далекая, но я полностью доверяю Зализняку, посмотрев записи его лекций про берестяные грамоты. Добросовестный талантливый профессионал чувствуется за версту. Я также доверяю другим исследователям, подтверждающим этот тезис.
- **Происхождение человека от обезьяны – истина.** Привожу этот пример как самый хрестоматийный: как-никак предмет горячей полуторавековой борьбы между научным и религиозным взглядами на мир. Его же приводит в своей речи Андрей Зализняк.
- **Расширение Вселенной и ее происхождение из сверхплотного состояния около 14 млрд лет назад – истина.** Это уже моя епархия... Замечное противодействие этой истине существует в широких народных массах, поскольку всё это очень трудно представить, поскольку речь идет о нечеловеческих масштабах, нечеловеческих условиях, нечеловеческой геометрии. Зато именно здесь ярче всего появляется мощь науки, которая прекрасно работает в этих «нечеловеческих» областях, отлично сводя все концы с концами.

А вот теория космологической инфляции, которая описывает биографию Вселенной до Большого взрыва, будучи самой правдоподобной и плодотворной гипотезой, пока чуть-чуть недотягивает до статуса истины. Причем известно, что надо измерить, чтобы теория инфляции утвердилась, но это дело нескольких лет.

А что касается самых первых мгновений существования Вселенной (околопланетовские масштабы) – там истина всё еще закопана очень глубоко. Это вызов нынешним и будущим профессиональным исследователям. Примерно так же обстоят дела и во многих других областях науки: что-то утвердилось навеки, что-то – вот-вот, а где-то всё настолько неясно, что у исследователей опускаются руки.

В каждом из этих примеров есть неясные детали (конкретный автор «Слова», последний общий предок человека и шимпанзе, состав темной материи). Ну и что? От этого перечисленные утверждения не стали ни сомнительнее, ни тусклее. Они подкреплены множеством фактов и хорошо описываются четким научным языком. Так каким словом мы их будем характеризовать? «Истина» или, к примеру, «объяснительная модель»? Дело вкуса? Возможно, но я все-таки предпочитаю чаще пользоваться настоящими словами. Это освежает язык и, главное, мозги.

Борис Штерн,
астрофизик, главный редактор ТрВ-Наука
<https://trv-science.ru/2018/01/16/ne-bojtes-skazat-istina/>

Памяти Андрея Анатольевича Зализняка **Он определил выражение лица нашей науки**

Филологи и историки Уральского федерального университета, преподаватели, сотрудники, студенты и выпускники выражают глубокую скорбь в связи с уходом Андрея Анатольевича Зализняка и соболезнуют его семье, коллегам, друзьям.

Андрей Анатольевич не просто «разрабатывал определенную научную проблематику», он занимался вещами на уровне национального достояния. Сделанное им в науке не находит аналогий. Аналогии пока обнаруживаются только по отношению к отдельным эпохальным открытиям: скажем, выявление им роли энклитик в доказательстве подлинности «Слова о полку Игореве» сопоставимо с обнаружением значимости флексий при открытии сравнительно-исторического метода. Не перечисляя эти фундаментальные результаты, подчеркнем то, что значимо особенно для нестоличных научных центров, где со второй половины XX в. оказалась жестко разведенным преподавание и изучение синхронической и диахронической лингвистики. А. А. Зализняк сыграл огромную консолидирующую роль в отечественном языкознании (и гуманитаристике вообще), не только соединив в своем творчестве эти разделенные проблемные поля, не только предложив модель и блестящие образцы структурного подхода к историческим языковым явлениям, но и филигранной ясностью своей методологии, невероятным масштабом личности, сильнейшим обаянием и демократизмом сплотив филологов и историков разных поколений и направлений.

Формализация русского словоизменения и Грамматический словарь (для многих по-простому – «Словарь Зализняка») стали базой для разработки автоматических моделей русской морфологии, примером для развития компьютерной лингвистики и совместных исследований филологов и математиков.

Общепризнанна огромная роль Андрея Анатольевича в изучении языка берестяных грамот, которыми он занимался с 1982 г. Именно с этого года начинается история содружества студентов исторического факультета Уральского университета – участников Новгородской археологической экспедиции, которым

посчастливилось познакомиться с лекциями, а вернее сказать, с уроками А. А. Зализняка по прочтению только что найденных грамот. Увлекая за собой в постижении лингвистических тайн, знакомя с особенностями древненовгородского диалекта, Андрей Анатольевич с удивительной доступностью, со свойственным только ему заразительным азартом погружал начинающих историков в мир древних новгородцев. Без его переводов невозможно верно и правильно понять содержание берестяных писем, которые сегодня являются базовыми источниками по истории Средневековой Руси.

Андрей Анатольевич продемонстрировал образец безукоризненного творческого поведения ученого. Своим примером он показал, что пафос и страсть в гуманитарных науках находят лучшее и наиболее адекватное воплощение в строгости аналитических процедур и неукоснительном внимании к внутренней сути явления, которые заменяют идеологемы. По Зализняку, высший патриотизм ученого проявляется в последовательном пути к истине и внутринаучной аргументации ее подлинности. Это целительно для нас во время псевдонаучных фейков и фальсификаций.

А. А. Зализняк поднял на небывалую высоту роль полевых исследований, показал их разрешающую силу для решения фундаментальных задач гуманитарных наук, их нравственную роль, помогающую установить почти живой, непосредственный диалог эпох.

Он определил выражение лица нашей науки – жизнеутверждающее и веселое, строгое и честное. В память о нем нам всем надо не потерять лицо.

Нескольким поколениям исторического факультета Уральского университета посчастливилось услышать и приобщиться к прочтению берестяных писем древних новгородцев. Андрей Анатольевич относился к нам – уральцам с любовью и всегда ждал нашего приезда и участия в раскопках в Новгороде. Эта любовь взаимна.

Светлая память об Андрее Анатольевиче навсегда в наших сердцах!

28 декабря 2017 г. в Российской Академии Наук в Москве состоится прощание с Андреем Анатольевичем. Пусть и для нас этот день станет Днем скорби и печали!

Овчинникова Б. Б. – профессор кафедры истории России, руководитель Новгородской археологической экспедиции Уральского университета с 1979 по 2016 гг.

«Скорбно краток учёного век,
Но никто не напишет, мол, бывший.
Вечно в сердце живёт человек,
Новгородцев для нас ожививший»

24.12.2017

Андрей Бабилов – многократный участник

Новгородской экспедиции, выпускник истфака 1996 г.

<http://hist.igni.urfu.ru/album/client/text.asp?aid=622>

Ушел из жизни Андрей Анатольевич Зализняк

На 83 году жизни в Москве скончался академик Андрей Анатольевич Зализняк. Почетный гражданин Великого Новгорода, лауреат Государственной

премии и других наград, доктор филологических наук, Андрей Анатольевич до последнего дня посвящал свои научные изыскания языку и письменности древних новгородцев.

Новгородский музей-заповедник выражает соболезнования семье покойного и скорбит об этой невосполнимой утрате вместе со всем научным сообществом. В сотрудничестве с археологами и историками Новгородской археологической экспедиции, знаменитый лингвист с 1982 года исследовал сотни берестяных грамот, став крупнейшим специалистом в этой области. Благодаря его обширнейшим познаниям и светлому, пронизательному уму, прочитано и интерпретировано множество древнерусских текстов, открывших подробности культурных и политических событий, особенности бытовой и общественной жизни наших предков. Он сделал неоценимый вклад в составление словарей и изучение санскрита, издал несколько фундаментальных трудов, на которые опираются современные исследователи.

Сотрудникам музея и всем горожанам будет не хватать ежегодных встреч с Андреем Анатольевичем на Дне бересты, его всегда увлекательных выступлений на Троицком раскопе, во время которых он рассказывал о первых версиях и открытиях в новых берестяных посланиях. Вечная память.

<http://novgorodmuseum.ru/novosti/1765-ushel-iz-zhizni-andrej-anatolevich-zaliznyak.html>

Андрей Анатольевич Зализняк

Российская и мировая лингвистика понесли тяжёлую и невосполнимую утрату. 24 декабря на 83-м году жизни скончался академик Андрей Анатольевич Зализняк, один из величайших лингвистов в истории науки, выпускник и многолетний преподаватель нашего университета.

Пожалуй, немногие исследователи сделали в своей науке столько, сколько он – любое его открытие составило бы лингвисту большое общепризнанное место в истории. А этих достижений множество. Это и непревзойденное алгоритмическое описание русской именной морфологии (за которое ему была присвоена вместо кандидатской сразу докторская степень), и изложение правил древнерусского ударения, и потрясающий прогресс в чтении берестяных грамот (опирающийся на открытия в области строя древненовгородского диалекта), и доказательство подлинности «Слова о полку Игореве», и многое другое. В Зализняке сочетались изящество и лаконизм решения лингвистической задачи (а лингвистические задачи, олимпиады по решению которых проводятся с 1960-х годов, придумал тоже он) и глубокая фундированность проработки вопроса: он изучил сотни средневековых рукописей, выводя правила русского ударения, тысячи начертаний букв, строя в одиночку палеографию берестяных грамот... В Андрее Анатольевиче всегда чувствовался масштаб личности, открытость для всех, артистизм: он был великолепным педагогом, подавал материал на своих знаменитых ежегодных лекциях о берестяных грамотах так, что слушатель чувствовал себя соавтором открытия.

Академик Зализняк был лауреатом многих премий: Солженицынской, Демидовской, Государственной, Большой медали РАН, премии имени Шахматова. К почестям он был равнодушен; для него в науке главным был исключительно поиск истины, и главной наградой для него было решение трудной задачи. Этим он занимался до последних дней. Вечная ему память.

In Memoriam

Памяти Андрея Анатольевича Зализняка

Кафедра археологии и исторический факультет МГУ глубоко скорбят в связи с кончиной знаменитого филолога, академика РАН **Андрея Анатольевича Зализняка** (29.04.1935 – 24.12.2017) – крупнейшего ученого и замечательного человека, нашего давнего и верного друга.

С 1982 года в течение 35 лет Андрей Анатольевич был постоянным участником Новгородской археологической экспедиции исторического факультета МГУ. Как однажды сказал ее руководитель академик РАН Валентин Лаврентьевич Янин, «А. А. Зализняк – лучшая находка Новгородской экспедиции». В этой шутке заключен глубокий смысл, потому что только с приходом Андрея Анатольевича берестяные грамоты обрели настоящего исследователя-лингвиста, без которого текст на бересте не может быть верно прочитан и правильно переведен.

Тогда же, в 1982 году, началось тесное сотрудничество лингвиста Зализняка и историка Янина, совместно готовивших академическое издание текстов вновь найденных берестяных грамот, сопровождаемое тщательным лингвистическим анализом и подробным историческим комментарием.

Именно в Новгороде А. А. Зализняк начал читать лекции о берестяных грамотах, ставшие потом знаменитыми. На глазах слушателей он проводил подробный лингвистический анализ только что найденных грамот, объясняя все «темные» места и непонятные слова. В ходе этих лекций зарождались страницы его выдающегося труда «Древненовгородский диалект», в котором на основе берестяных грамот была реконструирована полная грамматика древнерусского языка.

http://www.hist.msu.ru/about/in_memoriam/37055/

Лингвистика для школьников

Сегодня днём умер академик **Андрей Анатольевич Зализняк**, один из величайших отечественных лингвистов.

Андрей Анатольевич Зализняк – автор монографии «Русское именное словоизменение» (1967) и знаменитого «Грамматического словаря русского языка», созданного вручную в 1977 году. Тогда далеко не всем было понятно, насколько велико его значение – сейчас же он лежит в основе чуть ли не всех алгоритмов обработки русского языка, например, поиска Яндекс.

С 1982 года Андрей Анатольевич Зализняк занимался изучением новгородских берестяных грамот и древненовгородского диалекта. Благодаря его исследованиям стали известны многие факты об устройстве древненовгородского диалекта, истории русского языка, а также об общественной жизни Древней Руси. Каждый год осенью в МГУ проходили публичные лекции, на которых Андрей Анатольевич рассказывал о найденных за прошедший год грамотах – о том, что нового они дают для понимания языка того времени. Эти захватывающие лекции, напоминающие лингвистический детектив, где аудитория сама пыталась понять смысл грамот с помощью Андрея Анатольевича, могли длиться больше двух часов, но время пролетало мгновенно.

Среди прочего, А.А. Зализняк доказал подлинность «Слова о полку Игореве» и поддельность так называемой «Велесовой книги» – последнее было сдела-

но в рамках ряда лекций и публикаций о любительской лингвистике, в которых А.А. Зализняк критиковал антинаучные идеи об истории языка. Андрей Анатольевич выступал с публичными популярными лекциями на различных площадках и в программах на телевидении.

Но для школьной лингвистики, наверное, важнее всего тот факт, что Андрей Анатольевич Зализняк придумал жанр самодостаточной лингвистической задачи. В 1963 году он написал статью, где предложил семь первых лингвистических задач с решениями. Спустя два года прошла I Традиционная олимпиада по языковедению и математике, ныне называемая Традиционная олимпиада по лингвистике. Андрей Анатольевич был автором многих задач первых олимпиад по лингвистике.

Но и спустя полвека Андрей Анатольевич находил время для того, чтобы взаимодействовать со школьниками и студентами. С 2007 года он каждый год выступал с лекцией на Летних лингвистических школах, несколько раз читал лекции в школе «Муми-тролль». Для всех желающих он каждый год вёл курс на филологическом факультете МГУ – об истории русского ударения, о грамматических системах арабского языка, санскрита...

http://www.lingling.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=1869

Последний русский

Он открыл неизвестную Русь и не переставал верить в науку

24 декабря 2017 года на 83-м году жизни умер выдающийся российский ученый академик Андрей Зализняк. «Лента.ру» рассказывает, почему его смерть – невосполнимая потеря для России и мира, чем он запомнился и как боролся с современным мракобесием.

Многие читатели этого текста наверняка не в полной мере осознают масштаб потери, постигшей нашу страну. Андрей Анатольевич Зализняк был не просто ученым, не просто интеллектуалом и не просто популяризатором науки в те времена, когда научное знание не особенно-то и востребовано. Автор этих строк имел честь быть знакомым с ним и при встрече был поражен его скромностью и интеллигентностью. И вот нет теперь человека, расшифровавшего десятки (если не сотни) берестяных грамот русского Средневековья и открывшего голоса жителей Новгородской республики – государства, которому современная Россия наследует ровно так же, как и Великому княжеству Московскому.

Андрей Зализняк родился в Москве 29 апреля 1935 года. В пятом классе он взял в пионерский лагерь словарь русского языка, а в 1951 году стал победителем первой университетской Олимпиады по литературе и русскому языку, после чего и решил стать лингвистом. Потом, уже во время студенческих походов, Зализняк изучил множество иных языков – от молдавского до санскрита. После учебы (что было немыслимо в СССР того времени) он проходил практику в Сорбонне и Высшей нормальной школе у структуралиста Андре Мартине.

Какую же пользу Андрей Зализняк принес России? Во-первых, он доказал подлинность рукописи «Слова о полку Игореве», найденной в Спасо-Преображенском монастыре города Ярославля. Во-вторых, алгоритмы Зализняка теперь используют при проверке грамотности в электронных словарях и при морфологических описаниях в поисковых системах интернета. Не будет преувеличением сказать, что без трудов Зализняка русский интернет имел бы совсем иной вид и конфигурацию. В-третьих, Зализняк сумел научно доказать несостоя-

тельность доводов Фоменко и Носовского с их пресловутой «новой хронологией» и лживость так называемой Велесовой книги. В декабре 2011 года на Фестивале мировых идей, организованном журналом «Вокруг света», отвечая на вопросы гостей, академик резонно заметил, что всякая дискуссия с подобными персонажами возможна лишь при наличии общего научного фундамента, вроде того, что Земля вращается вокруг Солнца, но никак не наоборот.

В мае 2014 года, в разгар псевдопатриотического мракобесия в нашей стране, Андрей Анатольевич объяснял автору этих строк и другим своим соотечественникам природу современного русского языка, а особенно – его связь с новгородским наречием, отличающимся от киевско-черниговско-московского диалекта. Да, именно так: тысячу лет назад в речи жителей Чернигова и Ростова было меньше различий, чем между ними и уроженцами Великого Новгорода. Зализняк наглядно показал, что нынешний русский язык стал синтезом наречия Пскова и Великого Новгорода с языком жителей Киева, Чернигова, Владимира и Москвы.

Каждый теплый сезон, несмотря на почтенный возраст, Зализняк отправлялся на археологические раскопки в Великий Новгород. Всякий раз его лекции по итогам этих поездок имели колоссальный успех, немислимый в современной России. Во многом из-за этого ажиотажа автору этого текста так и не удалось сделать с ним интервью для «Ленты.ру». Осенью 2017 года я побывал на последнем (кто бы мог подумать!) публичном мероприятии Андрея Анатольевича в главном здании МГУ на Воробьевых горах. Огромная очередь перед входом в аудиторию, состоящая в основном из учащейся молодежи, внушила мысль, что не все потеряно, что думающие люди, несмотря ни на что, в наше затхлое время пытаются жить осознанной жизнью. И академик Андрей Зализняк, выросший в позднесталинскую эпоху, был для всех нас очевидным и наглядным примером того, что в любые «заморозки» можно и нужно оставаться прежде всего личностью и человеком.

Андрей Анатольевич, хоть и стал всемирно признанным ученым, был человеком не чванливого нрава, всегда готовым к общению с журналистами. Он верил в просвещение, которое, по его словам, спасет нынешнюю Россию от мрака невежества.

При вручении ему премии имени Александра Солженицына Зализняк сказал: «В деле о "Слове о полку Игореве", к сожалению, львиная доля аргументации пронизана именно такими стремлениями – тем, у кого на знамени патриотизм, нужно, чтобы произведение было подлинным; тем, кто убежден в безусловной и всегдашней российской отсталости, нужно, чтобы было поддельным. И то, что получается разговор глухих, в значительной мере определяется именно этим. (...) Мне хотелось бы высказаться в защиту двух простейших идей, которые прежде считались очевидными и даже просто банальными, а теперь звучат очень немодно.

1) Истина существует, и целью науки является ее поиск.

2) В любом обсуждаемом вопросе профессионал (если он действительно профессионал, а не просто носитель казенных титулов) в нормальном случае более прав, чем дилетант.

Им противостоят положения, ныне гораздо более модные.

1) Истины не существует, существует лишь множество мнений (или, говоря языком постмодернизма, множество текстов).

2) По любому вопросу ничье мнение не весит больше, чем мнение кого-то иного. Девочка-пятиклассница имеет мнение, что Дарвин неправ, и хороший тон состоит в том, чтобы подавать этот факт как серьезный вызов биологической науке.

Это поветрие – уже не чисто российское, оно ощущается во всем западном мире. Но в России оно заметно усилено ситуацией постсоветского идеологического вакуума. (...) Я не испытываю особого оптимизма относительно того, что вектор этого движения каким-то образом переменится и положение само собой исправится. По-видимому, те, кто осознает ценность истины и разлагающую силу дилетантства и шарлатанства и пытается этой силе сопротивляться, будут и дальше оказываться в трудном положении плывущих против течения. Но надежда на то, что всегда будут находиться и те, кто все-таки будет это делать».

Сейчас же можно сказать одно: многострадальная российская гуманитарная наука осиротела – и в этот раз, видимо, навсегда.

Андрей Мозжухин

Исправитель наречия

Умер Андрей Зализняк

На 83-м году жизни умер академик Андрей Анатольевич Зализняк – один из величайших ученых в истории науки о русском языке и в отечественном гуманитарном знании последних десятилетий.

Итог почти каждой уже прожитой жизни может быть подведен современниками. Это не самое воодушевляющее наблюдение, но тем в большей степени оно оправдывается немногочисленными исключениями. Скончавшийся сегодня Андрей Анатольевич Зализняк в этом ряду. Итог этой жизни будет подведен еще не скоро и, видимо, не в наше время – поэтому объяснить, что сегодня закончилось, а что будет продолжаться, для меня невозможно. Прошу просто поверить, что это так – иногда мы сталкиваемся со сложно оценимым счастьем жить во временном отрезке, в котором ученый может своими работами изменить представление и нынешнего, и будущих поколений о предмете своих занятий, имеющем очень большое значение. Предметом исследований Зализняка был русский язык – и то, что с ним происходит сейчас и будет происходить еще многие годы, в большой степени является – нет, не научным – скорее личным, личностным достижением Андрея Анатольевича. Общество, средой для которого является язык, меняется действиями в нем отдельных людей, их самореализацией – но лишь самореализация немногих, отдельная авторская графема, различима ясно.

Для людей, не имеющих отношения к лингвистике и филологии – хотя, конечно, смешно, да кто ж могут быть эти люди, вообще не имеющие отношения к языку, – в списке достижений Андрея Зализняка неизбежно останутся его работы, посвященные «Слову о полку Игореве» и обоснованию подлинности этого текста. Воссоздание новгородского диалекта древнерусского языка на первый взгляд выглядит чем-то более отвлеченным, тонкостями, затрагивающими общество в меньшей степени; работы по древнерусским энклитикам, несколько словарей, составленных Зализняком, а уж тем более работы по берестяным грамотам, по «Новгородскому кодексу», по «Мерилу праведному», статьи и книги по акцентологии – тем более. Просветительская деятельность Андрея Анатольевича была также важной, но никогда не позволяла говорить о нем как о профессиональном популяризаторе науки в том смысле, в котором это занятие стало в последние де-

сятелетия нам привычно. Он относился к ней как к необременительному и необходимому долгу крупного ученого, но сама идея посвятить этому занятию время, которое повлияло бы на основной круг занятий, для него была неприемлема – а Зализняк был в высшей степени принципиальный и божественно дисциплинированный в отношении себя и других человек.

Главное, что следует извлекать из его книг и статей, – это именно это понимание не сверхъестественного, но естественно сложного устройства реальности, превосходящего по сложности обыденное понимание сложности. Дело не только в том, что в «Слове о полку Игореве» можно обнаружить математически достоверно вычисляемые отклонения от определенных норм правописания XII века, которые можно считать папиллярными рисунками этого времени. Дело в конструкции языка, который обладает такими свойствами и так упорядочен. Живи Зализняк в XIV веке, в нем бы видели ученого, давшего обоснованное подтверждение божественному происхождению языка. Как это будет называться в XXI веке, я не знаю, но знаю, что во всех прочитанных мной трудах Андрея Анатольевича это было основой, невидимой сеткой, на которой крепились более частные истины. Поэзия делает это немного иначе, но делает практически то же самое; большего не может никто.

Не надо горевать. Мы уже сейчас стараниями Зализняка живем в мире, в котором русский язык XI, XVI, XX и XXI веков является неоспоримым континуумом, наш язык имеет достоверную и сложнейшую историю, не обращаться к которой более невозможно, поскольку она есть. Нужен был Андрей Анатольевич для того, чтобы это было не только научной истиной, но и истиной для общества, истиной в самом языке, на котором мы говорим и пишем.

Язык вообще более значительная вещь, чем мы представляем его себе, а тем более в России, где он, судя по всему, главное, чем мы обладаем. Думаю, Зализняк все это исчерпывающе себе представлял, поэтому умирать ему было хотя бы немного легче, чем предстоит всем нам.

До свидания, Андрей Анатольевич, и спасибо за все.

Дмитрий Бутрин

<https://www.kommersant.ru/doc/3507795>

Человек, переоткрывший русский язык

Анастасия Лотарева

На 83-м году жизни скончался академик Андрей Зализняк. Каждый год на каждой его лекции о берестяных грамотах был аншлаг – два с половиной часа лекции сотни людей стояли, сидели на полу, забирались на подоконники – зал был полон с избытком. Несколько десятков людей пытались слушать из коридора около аудитории, те, кому повезло стоять ближе – по цепочке передавали недослышанное.

Андрей Зализняк родился в 1935 году в Москве, в семье инженера и химика. Он шутит, что первое столкновение с лингвистикой случилось в шестилетнем возрасте: будущего лингвиста с мировым именем отчислили с занятий немецким «за отсутствием способностей».

В 1946 году, в 11 лет, он уехал к родственникам в западную Белоруссию, место, где говорят на множестве языков: русском, белорусском, украинском и польском. По воспоминаниям Зализняка, именно после этой поездки он заинтересовался языками, начал учить английский, итальянский и испанский.

В 1958 году Андрей Зализняк окончил романо-германское отделение филологического факультета МГУ, по обмену учился во французской «École normale». В Сорбонне Зализняк занимался у знаменитого лингвиста, одного из последних крупных теоретиков структурной лингвистики Андре Мартине.

В 1965 году Андрей Зализняк стал доктором филологических наук при защите кандидатской диссертации. Преподавал на Отделении теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ, а также во множестве зарубежных университетов.

Первая монография А. Зализняка «Русское именное словоизменение» была написана в 1967 году. В ней он разбирает теоретические проблемы морфологии, раздела лингвистики, который определяет слово как особый языковой объект и описывает его внутреннюю структуру.

В 1977 году вышел составленный ученым «Грамматический словарь русского языка». В нем даны точные модели словоизменения ста тысяч слов русского языка. Именно эта работа послужила основой для всех компьютерных программ автоматического морфологического анализа – в том числе, машинного перевода и информационного поиска в интернете.

Ученый работал над историей древних контактов славянских и иранских языков, написал краткий грамматический очерк санскрита.

Огромный вклад Зализняк внес в русское историческое языкознание. В 2004 году появилась его работа «Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста». Ученый поставил точку в дискуссионном вопросе о подлинности или поддельности древнерусского исторического памятника.

Андрей Зализняк показал, что для возможной фальсификации ее автор должен был бы владеть огромным количеством знаний, полученных наукой о языке уже в XIX–XX веках. На основе лингвистических аргументов вывод таков: вероятность поддельности «Слова о полку Игореве» исчезающе мала.

С 1982 года Андрей Зализняк систематически работает над изучением языка берестяных грамот. Первую грамоту нашли в 1951 году на Неревском раскопе, но находки не были систематизированы и должным образом описаны с лингвистической точки зрения.

Знаменитая работа ученого – «Древненовгородский диалект (1995 г.), в ней приведены тексты практически всех берестяных грамот с лингвистическим комментарием. Его авторству также принадлежит лингвистический комментарий к многотомному изданию текстов грамот на бересте, подготовленному совместно с археологом академиком Валентином Яниным.

Андрей Зализняк – известный популяризатор науки. Он читает лекции общего характера «Об исторической лингвистике», популярны его лекции о «любительской лингвистике». С научной точки зрения он подверг критике работы «Новой хронологии» за авторством А.Т. Фоменко как дилетантские и построенные на примитивных ассоциациях. Каждый год академик читает лекцию о берестяных грамотах, найденных в новом сезоне. Его лекции собирают сотни слушателей.

«Мы, не задумываясь, пользуемся тем, что сделал Зализняк в языке, как и тем, что сделал Алферов в физике», – говорит Наталья Солженицына. Профессор МГУ В. А. Успенский отзываясь о «Грамматическом словаре русского языка» так: «Посмотри у Зализняка» стало такой же формулой, как «посмотри у Даля».

А один из основателей Тартуско-московской семиотической школы, философ, востоковед и филолог Александр Пятигорский считает Андрея Зализняка

лучшим современным русским лингвистом: «Ну он, вы понимаете, просто гений, вот и всё».

<http://www.pravmir.ru/chelovek-pereotkryivshiy-russkiy-yazyik/>

Хранитель слов

Егор Холмогоров

Скончался Андрей Анатольевич Зализняк (1935–2017) – академик, доктор филологических наук, лауреат Государственной премии России, крупнейший лингвист нашей эпохи. Когда уходит человек, пересекший 80-летний рубеж, окруженный всеобщим признанием и отягченный всевозможными регалиями, некрологи обычно превращаются в потоки пустоватых славословий – все споры утихли, никому ничего не надо доказывать, противников давно нет.

С Зализняком все иначе. Этот тихий, вежливый человек наживал врагов до конца жизни. Он с одинаково убийственной силой разоблачал и фальсификаторские построения «новой хронологии» Фоменко и Носовского, и языковые фантазии Валерия Чудинова, и поддельность «Велесовой книги». С не меньшим энтузиазмом он защищал подлинные древнерусские памятники от необоснованных обвинений в подделке, как это было со «Словом о полку Игореве» или новгородскими берестяными грамотами.

Нападки на Зализняка переходили все границы не только академической, но и человеческой благопристойности. И это был знак его победы. Безупречным аргументам ученого, знающего, как устроены и какими путями развиваются языки, и помнящего сотни и тысячи текстов на древнерусском, дилетантам нечего было противопоставить.

Зализняк не только разбивал те или иные паралингвистические построения, – самой своей фигурой он убеждал молодых людей в необходимости подходить к каждой идее пристрастно и критически. Андрей Анатольевич при этом не гнушался полемики с самыми бредовыми, но от того лишь более прилипчивыми построениями. То есть делал работу, которой спесивые академические ученые зачастую брезгуют.

Разумеется, заслуга Зализняка не сводилась к гуманитарному дренажу. Он создал себе имя, составив вручную описание морфологии 100 000 слов русского языка, дав подробную систематическую картину русской грамматики. Это имело не только теоретическое, но и прикладное значение. Точность, с которой наши интернет-поисковики находят в русском тексте слова и словосочетания (хотя многообразие флексий действительно огромно), – заслуга разработанных Зализняком моделей. Без вклада ученого в развитие русской морфологии, незаменимая внешняя память в виде «Яндекса», вряд ли бы работала так быстро. Нам бы приходилось отсеивать море шлама.

Огромное значение для истории русского языка имеют работы Андрея Анатольевича по изучению древненовгородского диалекта, парадокс которого состоял в том, что он не «отделился» от общего древнерусского, как другие восточнославянские диалекты, а, напротив, – сблизился с ним. Многие лингвисты в свое время отбросили берестяные грамоты как источник по истории языка, заявив, что жители русского города просто писали «безграмотно»: Зализняк, путем сплошного обследования всего массива документов, показал языковую систему, в которой возникали «неправильные» тексты.

Мало того, работа с берестяными грамотами позволила Зализняку, всегда очень иронично относившемуся к всевозможным построениям про «русов-ариев» и т. д., строго научными методами показать глубокие индоевропейские корни разговорного древнерусского языка. Общие связи наглядно проявились в системе расстановки энклитик (безударных слов типа «-ка», «-то», «бы»), которые на Руси соответствовали действовавшему в древних индоевропейских языках «закону Ваккернагеля».

Огромен вклад Зализняка в полемику вокруг главного памятника древнерусской литературы. Из-за гибели рукописи «Слова о полку Игореве» в московском пожаре, дискуссия о его подлинности кипела не одно десятилетие. Приведено было множество аргументов с обеих сторон. Предложенный Андреем Анатольевичем в результате систематической лингвистической проработки языка «Слова» «аргумент Зализняка» окончательно переломил ход дискуссии.

Ученому удалось показать, что потенциальному «фальсификатору» памятника пришлось бы проявить такие уникальные знания в области древнерусской филологии, диалектологии, фонетики, которые были накоплены только к концу XX века. Ведь «подделан» был не древнерусский язык XII века, к которому относится «Слово», а язык XII века в передаче северо-западных писцов (живших в Пскове и Полоцке) XV–XVI веков. При этом нам не известно ни одной рукописи, откуда можно было бы скопировать язык «Слова». Наш предполагаемый «фальсификатор» должен был самостоятельно сделать тысячи открытий в восточнославянской филологии и при этом, ни разу нигде эти открытия не опубликовав, вообще себя никак не обозначить.

Существование скромного гения подобного масштаба делало бы, конечно, честь русской литературе рубежа XVIII–XIX веков, вознеся ее на недостижимую высоту. Но все-таки куда логичнее считать, что перед нами – настоящий памятник XII века, переписанный в XV–XVI веках где-то на границе Псковщины и Белоруссии. Вопрос о подлинности «Слова» был практически закрыт.

Андрей Анатольевич ушел, не исчерпав своего творческого потенциала. Он со своей уникальной эрудицией, тонкостью лингвистических методов и страстностью полемиста занимал огромное место в нашем общественном сознании. Заполнить оставшуюся пустоту будет чрезвычайно трудно.

<http://portal-kultura.ru/articles/memory/178163-khranitel-slov/>

Человек Слова

Лучшей памятью о великом ученом Андрее Зализняке будет просвещенная и развитая Россия

24 декабря на 83-м году жизни скончался известный советский и российский лингвист Андрей Зализняк. Человек, поставивший точку в споре о подлинности «Слова о полку Игореве», раскрыл описанный в берестяных грамотах уклад жизни и оставил после себя «Манифест истины».

В российских СМИ уже давно есть такая печальная, но совершенно рутинная привычка: составлять письменный мартиролог или теперь чаще видеоролики с перечислением самые значимых потерь уходящего года. Рождественская и предновогодняя суэта заставляют делать это заранее – за неделю или полторы до конца календарного года.

Но смерти плевать на все календари. Она продолжает штамповать потери. И великие люди оказываются за пределами этих печальных «итогов года, по версии СМИ».

24 декабря не стало академика РАН Андрея Зализняка.

Чтобы оценить масштаб утраты, достаточно сказать, что мы потеряли человека, сделавшего для русского языка, для нашего гуманитарного знания не меньше, чем Кирилл и Мефодий.

Своими многолетними исследованиями грамматики и истории русского языка, новгородских берестяных грамот, знаменитой работой, доказывающей подлинность «Слова о полку Игореве», Зализняк в буквальном смысле связывал, сшивал нитью достоверного знания разные времена и эпохи в органичное единство. С предельно возможной наглядностью и научной точностью (о его человеческой порядочности и безупречной профессиональной дисциплине говорит каждый, кто когда-либо сталкивался с Андреем Анатольевичем как с коллегой или учителем)

Зализняк показал: тысяча лет истории русского языка и русской жизни – это единый развивающийся организм нашей истории, тесно и сложно связанный с миром. А не разорванное многочисленными потрясениями и сменой государственности лоскутное одеяло разных исторических сюжетов.

Собственно, одной только научной работы было бы достаточно, чтобы имя Андрея Зализняка осталось в нашей истории наряду с самыми значительными учеными, художниками, писателями. Люди такого масштаба даже в богатой на таланты российской науке и культуре наперечет. Но есть еще один сюжет этой во всех отношениях цельной, чистой, осмысленной, замечательной человеческой жизни, без остатка отданной любимому делу и передаче знаний другим поколениям.

Этот сюжет – отношения человека с истиной.

«Близ нас на Волоколамском шоссе, где годами нависали над людьми гигантские лозунги «Слава КПСС» и «Победа коммунизма неизбежна», недавно на рекламном щите можно было видеть исполненное столь же громадными буквами: «Всё можно купить!»

Столь прицельного залпа по традиционным для России моральным ценностям я не встречал даже в самых циничных рекламах. Вот Сцилла и Харибда, между которыми приходится искать себе моральную дорогу нынешнему российскому человеку. Моральных, этических и интеллектуальных проблем здесь целый клубок».

Это только одна из цитат из получившей огромный резонанс в российском интеллектуальном сообществе речи «Истина существует, и целью науки является ее поиск», произнесенной Зализняком на вручении ему в 2007 году литературной премии Александра Солженицына.

Эта речь получила «в народе» заголовок «Манифест истины» и стала путеводной звездой для тех ученых, журналистов, политиков, которые осознавали опасность сползания России в неоварварство. Через 10 лет актуальность этой речи кажется поистине пугающей: причем нет фундаментальных оснований полагать, что многое из нее не окажется истиной и через 100 или 200 лет.

В этой речи вроде бы лишенный гражданского темперамента и внешнего пафоса «отвлеченный» ученый с болью и одновременно с жаром, вдохновением говорил о том, насколько важно, чтобы общество доверяло ученым. Как дискре-

дитирована наука фальшивыми званиями и регалиями карьеристов. Как искажает и уродует поиски истины использование людей науки в корыстных пропагандистских целях государством. Объяснял, почему между патриотизмом и поисками истины нет никаких противоречий.

... В октябре 2017 года 82-летний Андрей Зализняк два с половиной часа, не присев за это время ни разу, рассказывал на своей ежегодной традиционной публичной лекции – 31-й по счету – об очередных находках раскопок новгородских берестяных грамот. Подробно и, как обычно, с предельной ясностью (не каждый ученый способен объяснить так, чтобы поняли неискушенные) раскрывал студентам и школьникам смысл новых находок.

Сквозь написанные его твердой рукой мелом на обычной доске фрагментов текстов с кусочков бересты семи-восьмивековой давности проступали уклад жизни, заботы, печали и судьбы наших предков. Каждая деталь имела значение. И имеет сейчас.

Вот грамота XIV века, на которой между отдельными словами написаны ровные вертикальные палочки. Так впервые в истории России появлялась давно существовавшая к тому времени на Западе традиция разделять слова друг от друга в письменной речи. На Руси слова друг от друга не отделялись. Потом, в 1564 году эту западную традицию начнет использовать русский первопечатник Иван Федоров. А в обычных русских рукописях разделение слов появится только в середине XVII века. Вроде бы маленькая незначительная деталь, но в ней отражается вся наша многовековая история сложных отношений с Западом – отторжения и заимствований.

...Нет ничего более далекого от судьбы Андрея Зализняка – а судьба всегда, увы, в полном объеме проясняется лишь посмертно – чем стремление к наградам, почестям или внешним атрибутам увековечивания памяти. Конечно, можно назвать его именем, например, Институт славяноведения РАН – это было бы вполне достойным решением.

Но лучшей памятью о великом – в данном случае в этом слове нет никакого ложного пафоса – русском ученом и гражданине Андрее Анатольевиче Зализняке стала бы просвещенная, развитая, умная Россия. Страна, которая ставит поиск истины выше любой конъюнктуры. Страна, которая чтит свою память и не отказывает другим. И, конечно, страна, осознающая в полной мере, какое богатство оставили нам предки – наш язык, позволяющий объяснить самые простые желания и постичь самые сложные основы бытия. Язык, на котором нам всем надо уметь говорить, договаривать и договариваться.

https://www.gazeta.ru/comments/2017/12/25_e_11530004.shtml

Памяти Андрея Зализняка

Ушел из жизни выдающийся ученый, один из создателей современной лингвистики

Майя Кучерская

Ушел из жизни академик Андрей Анатольевич Зализняк, один из создателей современной лингвистики.

Гениальный лингвист Андрей Зализняк стал живой легендой уже в середине 1960-х, когда его кандидатская диссертация была признана докторской, а в свет вышло «Русское именное словоизменение». Ученый описал систему склонения в русском языке – объяснил, как склоняются прилагательные, существительные,

числительные, местоимения. Это было в далекую докомпьютерную эпоху, но позже его фундаментальный труд лег в основу всех русских автоматических морфологизаторов, или, говоря проще, стал библией компьютерных лингвистов.

<Дальнейший текст доступен только подписчикам «Ведомостей».>

<https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2017/12/25/746491-zaliznyak>

см. также:

Лингвист милостью Божьей

6 выдающихся достижений Андрея Зализняка

Подготовил Юрий [Владимирович] Пуцаев

<http://www.pravoslavie.ru/109527.html>

Где похоронен великий лингвист Андрей Зализняк?

Владимир Успенский

<https://trv-science.ru/2018/01/16/gde-poxoronen-zaliznyak/>